

INSPIRIA

Приятных
снов...
мамочка.

СО МИЭ
**ЕДИНСТВЕННЫЙ
РЕБЕНОК**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ИЗ ЮЖНОЙ КОРЕИ

 INSPIRIA

Со Миэ
Единственный ребенок
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. Корея»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63920851

*Единственный ребенок:
ISBN 978-5-04-113678-9*

Аннотация

Начинающий криминальный психолог-профайлер Ли Сонгён в изумлении. С ней захотел пообщаться сам Ли Бёндю. Жуткий серийный убийца, приговоренный к смертной казни. На допросах он молчал, как рыба, и не дал ни одного интервью – ни журналистам, ни психологам. И вот теперь сам проявляет инициативу... Причем желает говорить только с Сонгён...

Тогда же в ее доме появляется 11-летняя Хаён – дочка мужа от первого брака, о которой тот никогда не рассказывал. При загадочных обстоятельствах погибли сперва мама девочки, а потом и бабушка с дедушкой. Сонгён пытается окружить бедняжку теплотой и заботой, но та ведет себя очень странно, пугающе. Но главное – это ее глаза. Будто сам психопат Ли Бёндю пристально смотрит из-под длинных детских ресничек...

Убийцами рождаются – или становятся? Этот триллер – пронзительная иллюстрация процессов психологического

разложения в семье, когда невинный ребенок развращается жестокостью и безразличием взрослых. Написано с такой достоверной изобретательностью, что в конце читатель теряет дар речи.

Абсолютный бестселлер в Южной Корее.

Книга переведена на все основные языки мира.

«Со Миэ с холодной точностью создает леденящий душу профиль серийного убийцы нового поколения». – *Kirkus*

«Мощное пополнение в растущем списке южнокорейской остросюжетной литературы». – *Los Angeles Times*

«Со Миэ ненавязчиво раскручивает повествование, постепенно ужесточая его, – и подводит к шокирующей концовке... Она мастерски показывает вспышки человечности в безжалостном убийце». – *Publishers Weekly*

«Для поклонников сериала «Охотник за разумом». Этот роман выглядит как true crime, однако он является блестящей художественной работой. А концовка у него такая, что вы ее никогда не забудете». – *Алма Камсу*

«Мрачная и электризирующая книга». – *Джош Малерман*

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
1	8
2	33
3	39
4	55
5	66
6	85
7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Со Миэ

Единственный ребенок

Все персонажи и события в книге являются вымышленными, а совпадения с реальными событиями случайны.

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Чисто для примера: предположим, есть какая-то очень старая комната.

В этой комнате полным-полно вещей, о которых я даже не хочу вспоминать, а на двери – здоровенный замок.

Со временем я постепенно забываю о существовании этой комнаты и в конце концов вообще не помню, что она в принципе была.

Память – странная штука. То, что вроде бы просто невозможно забыть, полностью стирается у тебя из головы, и как раз по этой самой причине. Говорят, это такой защитный механизм, который предохраняет тебя от перегрузок. Мозг автоматически блокирует подобные вещи, зная, что ты просто сломаешься, если будешь постоянно о них думать. Так что твоя голова помнит только то, что хочет помнить. Хранит лишь то, с чем может справиться.

Иногда я только дивлюсь: что не так с моей-то головой?

Да, у меня тоже когда-то была такая комната.

Комната, которую я задвинул в самый дальний уголок сознания, навесив на дверь десятки замков. И одно время даже не помнил, что нечто подобное вообще существует. Но это оказалось ненадолго. В один прекрасный день эти замки потваливались, все разом.

Не надо было мне входить в эту дверь, пусть даже она и

была уже не заперта... Но любопытство взяло верх, и я вошел. И тут же понял.

Что я открыл дверь в преисподнюю.

Часть I

1

Сообщение о пожаре в районе Ынам-дон ¹поступило семнадцатого июня, в три тридцать семь утра.

Соответствующая информация появилась на электронном табло дежурного в главном управлении пожарной охраны, что под горой Намсан, и в тот же самый момент о происшедшем узнали в пожарном управлении Западного городского округа и ближайшем отделе полиции, а также в группе по расследованию пожаров Столичной полиции Сеула.

Ли Санук, инспектор главного управления пожарной охраны, принявший сообщение, на тот момент находился на ночном дежурстве и безмятежно спал в комнате отдыха. Разбуженный звонком на мобильник, Санук поднялся на ноги, потирая сонные глаза. Он завалился на кровать только после часа ночи, закончив писать рапорт, так что поспать удалось от силы пару часов.

Веки постоянно опускались сами собой, но когда инспектор вышел из здания и глотнул свежего воздуха, то почув-

¹ Сеул разделен на 25 муниципальных округов (гу), имеющих статус самоуправления, которые, в свою очередь, включают в себя 522 административных района (дон). *Здесь и далее – прим. пер.*

ствовал себя малость пободрее. Прохладный ночной воздух быстро выдул из головы последние остатки сна.

Прежде чем сесть в свою машину, оставленную на служебной парковке, Санук позвонил сержанту Ю Донсигу, своему постоянному напарнику. Ответил все еще полусонный недовольный голос:

– Да не сплю я, не сплю!

Должно быть, тому уже тоже успели позвонить из главного управления городской полиции.

Санук живо представил себе своего приятеля. Сидит небось на постели, встряхивая головой, чтобы опять не задремать. Пытается выгнать сон, прикрыв глаза и вслушиваясь в голос из трубки.

подавив смешок, Санук сообщил, что направляется к месту происшествия.

– Давай не копайся и выходи, – добавил он.

– Погоди-ка... – произнес сержант Ю.

– А?

Санук уже собирался отключиться, но что-то в голосе сержанта его насторожило. Гадая, что это могло быть, Санук крепче прижал телефон к уху.

– Так где, говоришь, это?

Ю не мог не знать адреса, но все же переспросил – наверное, не проснулся еще до конца, хочет просто убедиться.

– В Ынаме. На сей раз возле районной гимназии, у «пяти углов», на улице Пеннёса.

Получив подтверждение, сержант Ю тяжело вздохнул. Ненадолго затих – видимо, пытался окончательно проснуться. Издал стон, неразборчиво пробормотал что-то. Наверное, ругался, поднимаясь на ноги. Санук отлично его понимал – сам точно так же себя чувствовал.

– Ну да, меня это уже тоже бесит, – сказал он сержанту.

– Ладно, все нормально. Дай собраться. Скоро буду.

Отключившись, Санук быстро забрался в машину. Вставил ключ в замок зажигания, завел мотор, глянул на часы. Был уже пятый час утра.

В такую рань пробок в городе ждать не приходится. Если двинуть по проспекту Муакдже мимо ворот Сыннемун², то можно домчаться максимум минут за двадцать. Придавив педаль, Санук пулей вылетел со стоянки, пытаясь припомнить, сколько случаев возгорания зафиксировано уже в районе Ынам за последнее время.

Выходило, что пять, и началось все весной. И вот теперь у Санука было такое чувство, что ему придется сломя голову нестись по вызову, даже если кто-то в этом районе просто чиркнет спичкой.

Первый такой случай произошел в седьмом микрорайоне Ынама, возле строящегося жилого комплекса «Хиллз-стейт», неподалеку от больницы Ынпхен.

² Сыннемун – «Великие южные ворота», построенные в 1398 г., – один из старейших архитектурных памятников Сеула, входящий в список национального достояния Республики Корея под первым номером. Практически заново восстановлены после пожара в 2008 г.

Между возводимыми у подножия горы Пеннён здоровенными высотками – груды стройматериалов, туда-сюда снуют тяжелые грузовики.

К счастью, при тушении пожара никто не погиб. На пустыре между улицей Пеннёса и стройкой загорелся штабель фанеры и еще какие-то отделочные материалы, но ущерб оказался невелик, а с огнем удалось справиться достаточно быстро – благодаря какому-то работяге, сторожившему стройплощадку и вовремя заметившему неладное. В управлении ничего криминального в этом пожаре не нашли и списали все на непотушенный окурочок – на чистую случайность.

Но когда и в самом районе, и в его окрестностях один за другим запылали новые пожары, этот самый первый случай, изначально списанный на простую халатность, стал объектом расследования вместе с остальными. Поскольку на ночь стройплощадка закрывалась и никого там, по идее, не должно было быть, возникло предположение, что кто-то умышленно пробрался туда с целью поджога.

Третий пожар оказался самым разрушительным, и вот тогда-то Ли Сануку, инспектору главного управления пожарной охраны, и сержанту Ю Донсигу, судебному эксперту группы по расследованию пожаров городской полиции, и пришлось подключиться к делу.

Этот пожар, занявшийся возле церкви на задах ынамской начальной школы все на той же улице Пеннёса, вызвал очень серьезный ущерб – из-за сильного ветра пламя перекинулось

на соседний жилой квартал. Три здания выгорели дотла; погибла семья из трех человек, спавших на тот момент в собственных постелях.

Все это случилось около трех утра, но все-таки нашелся свидетель, поскольку пожар запылал прямо посреди густонаселенного микрорайона.

Этот свидетель – местный житель, который в тот день работал сверхурочно и поздно возвращался домой, – сообщил, что видел в переулке неподалеку от места возгорания какого-то подозрительного человека. Согласно его показаниям, пламя занялось среди жилых домов в тот самый момент, когда этот человек поспешно вывернул из переуллка на главную улицу, скрывшись из виду, но описать он его не может, поскольку было темно.

Санук на пару с сержантом Ю долго копался на пожарище, выискивая точное место возгорания и его причину, но в итоге зашел в тупик, поскольку показания свидетеля никак не стыковались с тем, что удалось обнаружить. Единственно, обитатели микрорайона поведали о некоем затяжном конфликте между ними и фирмой-застройщиком, который вполне мог иметь какое-то отношение к серии пожаров.

Когда Санук уже перевалил через холм Муакдже и на развязке Хондже свернул на проспект Морене, запиликал его мобильник.

– Ты где? – каким-то бесцветным голосом поинтересовался сержант Ю. – Уже на месте?

– Нет, еще еду. Давай тоже подъезжай, там и поговорим.

– Это ведь уже шестой раз, так?

– Ну да, шестой.

Молчание в трубке.

– Так что хотел сказать-то? – поинтересовался Санук, думая, уж не рассоединился ли звонок.

– Ну, мне тут недавно приснился нехороший сон... – последовал ответ сержанта Ю.

– Сон?

Видать, коллега находился в несколько растрепанных чувствах, получив сообщение о пожаре после какого-то нехорошего сна. Из-за такого внезапного проявления слабости напарника Санук и сам немного расстроился. Сержанта, видать, вконец достала эта бесконечная серия.

И Санук, и Ю оба специализировались на расследовании пожаров, но отвечали за разные участки этой работы. Главная задача Санука – осмотр места происшествия, поиск каких-либо оставшихся следов и опрос свидетелей, чтобы определить точное место первичного возгорания и причину пожара. Далее, особенно если обнаруживаются какие-либо признаки умышленного поджога, в дело вступает сержант Ю, работающий в связке с пожарными инспекторами вроде Санука. От лица полиции открывается полномасштабное расследование, ставящее целью найти на месте происшествия какие-то следы того, кто это сделал, и в итоге поймать его.

Для Санука, представляющего управление пожарной

охраны, местом происшествия работа и заканчивается, а для сержанта Ю здесь все только начинается. Если вдруг выплывет какой-то криминальный след, сержант не успокоится, пока не вычислит преступника и не закроет дело.

Оба работали бок о бок, обмениваясь мнениями о том, что удалось обнаружить на пожарище, но ничуть не удивительно, что из них двоих именно сержант Ю испытывал наибольший стресс. Вдобавок уже несколько месяцев пожары с завидной регулярностью полыхали в одном и том же районе, и стремление поскорей разрешить эту загадку наверняка наваливалось ему на плечи еще более тяжелой ношей. Обычно оба не мчались к месту происшествия, едва получив сообщение от диспетчера. Но в предыдущих случаях многое указывало на умышленный поджог, так что, услышав сообщение о пожаре в районе Ынам, они немедленно связались между собой.

Санук не знал, что сказать сержанту Ю. Просто надеялся, что подозреваемый будет наконец пойман, а серии пожаров удастся положить конец.

– А ты вообще веришь в вещи сны и всякую такую лабуду? – спросил сержант Ю.

– Верю. Прямо перед тем, как я родился, моя матушка как раз видела такой вещий сон³. Наверное, именно поэтому я и

³ Речь идет о вешем сне «тхеомн», который видит ожидающая ребенка мать или ее близкие родственники. Все, что видится в таком сне – фрукты (яблоки, хурма, вишня, каштаны), животные (тигры, змеи, золотые рыбки), природа (реки, радуги), дети и драгоценности, – трактуется в соответствии со старинными ве-

подался в пожарные. Разве я тебе не рассказывал?

Чтобы слегка поднять напарнику настроение, Санук принялся пересказывать матушкин сон, проявляя бóльшую словоохотливость, чем обычно. Но сержант, который эту историю уже сто раз слышал, повесил трубку, прежде чем Санук успел добраться до сути.

Санук хмыкнул, положил телефон на сиденье и прибавил газу.

* * *

В нескольких десятках метров от «пяти углов» перед гимназией Чингам образовался затор, словно чтобы оповестить всех окрестных зевак: здесь пожар, скорей сюда. Несмотря на ранний час, пробраться к месту происшествия оказалось непросто, поскольку на въезде собралась изрядная толпа, а проезжающие автомобилисты сбавляли ход, вытягивая шеи.

Санук прорвался на улицу Пеннёса, только несколько раз энергично посигналив, хотя на крыше его машины вовсю сияли мигалки. Припарковался в сторонке, подальше от зевак, и еще на подходе узрел обычную для пожара суету.

Дорога была забита пожарными машинами, мобилизованными для тушения, взмыленными пожарными и микроавтобусами скорой помощи, готовыми развезти по больницам пострадавших. Среди скопления людей и автомобилей мелькованиями. Считается, что такой сон может указывать на пол будущего ребенка.

кали полицейские в форме, пытающиеся навести хоть какой-то порядок. Вдобавок, заслышав о пожаре, сюда, наступая друг другу на пятки, сбежались чуть ли не все жители окрестного микрорайона, так что царила полная неразбериха.

По профессиональной привычке Санук бросил взгляд на бьющее в небо пламя. К счастью, очаг пожара уже частично удалось взять под контроль, и на место происшествия готовились войти спасатели. Санук осмотрелся по сторонам, ободряюще помахав бойцам из управления пожарной охраны Западного округа, с которыми успел познакомиться во время последней серии пожаров.

Сержанта Ю он сразу заметил даже среди десятков суетящихся вокруг людей – по-военному короткая стрижка ежиком, внушительный рост и крепкое телосложение легко узнавались издалека.

Тот, мотая головой и пытаясь подавить зевоту, стоял за одной из патрульных машин и наблюдал за работой пожарных.

Санук быстро подошел к нему.

– Что, никак не проснуться? – поинтересовался он у приятеля.

Тот нахмурился, не сводя глаз с тугой водяной струи, летящей в огонь. Сержант явно не выспался, а эта серия поджогов, видать, окончательно его вымотала.

– И все вот это – из-за какой-то сволочи? – процедил сер-

жант.

– Похоже на то.

Сержант Ю раздраженно потер щеки, огляделся по сторонам и двинулся к одному из полицейских в форме, пытавшихся поддерживать порядок.

Тот отчитался об обнаруженных свидетелях и о том, что удалось сделать. Когда сержант Ю и Санук поинтересовались, кто вызвал пожарных, полицейский махнул рукой на круглосуточный магазинчик по соседству, сообщив, что свидетель оттуда.

Перед входом в местную торговую точку уже гомонила порядочная толпа. Похоже, когда пламя поутихло, все стали понемногу расходиться по домам.

Но внутри никого не оказалось. Сержант Ю вышел обратно на улицу, чтобы разыскать того, кто вызвал пожарных, и тут на него обернулся какой-то молодой человек в полосатой футболке, с раздурявшимся лицом. Возбужденно цокая языком, он глазел на пожар вместе с остальными. Это и был тот самый продавец ночной смены, на которого ссылался полицейский.

– Это я звонил, – сообщил он.

– Можете сказать, что вы увидели первым делом?

Все перевели взгляды на парня. Тот секунду смотрел на сержанта, почесывая в голове, после чего заговорил:

– Это произошло примерно в половине четвертого. Покупателей не было, и я стал клевать носом, сидя за прилавком,

так что вышел на улицу малость освежиться. И вот тогда-то и увидел густой черный дым над домами дальше по переулку. Поначалу не понял, что это такое, а потом в дыму вдруг взметнулось пламя. Точно не скажу, но показалось, что оно выросло буквально на глазах. Я испугался и сразу побежал звонить пожарным.

Глядя вдоль переулка туда, куда показывал молодой человек, сержант Ю ненадолго задумался.

– Куда выходит этот переулок? – спросил он наконец.

– Да вроде никуда, там тупик.

– Не видели какого-нибудь подозрительного человека, пока звонили? Кого-нибудь, кто выскочил с той стороны, откуда поднимался дым? Или, может, перед самым пожаром тут шатался кто-то посторонний?

– Не могу сказать, я в тот момент был за прилавком.

Сержант Ю вручил молодому человеку свою визитку, попросил обязательно позвонить, если тот вспомнит что-нибудь еще, и двинулся в сторону переулка.

В самом начале улочки собралась жидкая грязь – из скопления пожарных рукавов кое-где еще брызгала вода. Подойдя ближе, сержант Ю увидел, как из переулка, откуда еще поднимался дым, вышел один из спасателей, держа на руках маленькую девочку, лет десяти на вид.

Глянув на девочку, сержант Ю почему-то не смог отвести от нее глаз. Развернулся и двинулся вслед за спасателем, который ее нес.

Тот отнес девочку к скорой и вновь исчез в переулке.

Фельдшер в машине укрыл ее одеялом и спросил, не болит ли у нее где, но девочка ничего не ответила, неотрывно глядя в сторону переулка и прижимая к себе большого плюшевого медведя. Вид у нее был довольно спокойный, хотя ее только что вынесли из самого пекла. Впрочем, внимательней приглядевшись к ее лицу, сержант Ю понял, что оно сковано шоком. Только огромные глаза выказывали страх, время от времени тревожно стреляя по сторонам. Похоже, что физически она ничуть не пострадала.

Девчушка не сводила глаз с переулка, из которого все еще сочился черный дым, а потом, будто очнувшись, вылезла из скорой и огляделась по сторонам. словно искала, к кому бы обратиться – у кого бы спросить, можно ли вернуться в переулок, домой, или надо ждать здесь.

У сержанта кольнуло в сердце.

Вид пострадавших – вот что всегда причиняло ему на пожарище самую сильную боль. Людей, вмиг оставшихся без крыши над головой, потерявших своих близких.

Для них это было как гром среди ясного неба. Большинство потом неделями не могли найти себе места, теряли сон из-за испытанного потрясения. Воспоминания о пережитом еще долго преследовали их в кошмарных снах.

И при виде этой девочки, озирающейся по сторонам в поисках родных среди равнодушных к ней зевак, сержант Ю вдруг разозлился.

Когда она неуверенно двинулась прочь от скорой, быстро подошел к ней.

– Ты куда? Безопасней ждать здесь. И тебе нужно в больницу, – обратился он к девочке.

Та подняла на него большие чистые глаза. Они были полны тревоги, опасения при виде чужих людей. Сержанту Ю очень хотелось всеми силами потушить этот страх.

– Не бойся. Когда пожарные справятся с огнем, ты опять найдешь своих родных, – заверил он ее.

При этих словах девочка заморгала и что-то пролепетала, словно наконец о чем-то вспомнив. Поначалу она едва шевелила губами, бормоча так, что он едва мог ее разобрать, но потом подняла взгляд и повысила голос:

– Мой папа...

– Да?

– Я хочу к папе.

Сержант Ю бросил взгляд в сторону микроавтобуса скорой помощи. Его задние двери были распахнуты, но никого из пострадавших внутри он не заметил. Если ее родственников спасли раньше, то могли уже увезти в больницу на другой скорой. А если нет, то они сейчас в том полыхающем доме. Даже думать о таком не хотелось. Не зная, что сказать, сержант Ю огляделся по сторонам. Помог бы кто, что ли...

Малышка вцепилась ему в рукав и подергала, словно взывая о помощи. Опустив взгляд, он заглянул ей в глаза и ощутил тянущую боль в сердце. Девочка, которая все более осо-

знавала происходящее, выглядела так, будто вот-вот разрыдается, ее глаза наполнялись слезами. Чем дольше она будет оставаться вдали от родных, тем больше ею будут овладевать страх и тревога.

Сержант Ю беспомощно огляделся в поисках Санука.

Тот тем временем оценивал ситуацию, расспрашивал пожарных, собиравших свое снаряжение: подобный разбор того, как пожарные работали на месте происшествия и что при этом происходило, позволяет не повторять прошлых ошибок. Дожидаясь, когда Санук покончит с этим делом, сержант еще раз опустил сочувственный взгляд на девочку.

Вскоре, закончив разговор с пожарными, Санук подошел к нему.

– Ну что, двинем туда потихонечку? – обратился он к сержанту, махнув в ту сторону, откуда еще поднимался дым.

И только тут Санук, которому явно не терпелось приступить к предварительному расследованию, едва только огонь будет окончательно потушен, заметил стоящую рядом с сержантом девочку. Внимательно посмотрел на нее. Потом опять на сержанта Ю, на сей раз вопросительно. Сержант мотнул подбородком в сторону переулка.

Санук наконец понял, что она – одна из жертв пожара, а не кто-то из зевак, и наклонился, чтобы потрепать ее по голове.

– Ты, наверное, очень испугалась... Нигде не поранилась? Где твоя мама? – спросил он у девочки.

Ответила она не сразу.

– Моя мама умерла.

Слезы, которые уже и так застилали ей глаза, полились сплошным потоком. Испуганный услышанным ответом, Санук уставился на сержанта Ю, не зная, что сказать.

– А она... все еще там? – осторожно спросил сержант Ю.

Девчонка неистово замотала головой, а потом уткнула подбородок в грудь, показывая, что больше не хочет продолжать разговор. После упоминания о матери полностью замкнулась, еще крепче прижав к себе своего плюшевого медведя. А после, избегая взгляда Санука, вообще зарылась в него лицом.

Сержант Ю, наблюдая за этим, негромко произнес, обращаясь к Сануку:

– Отца, видно, уже вывели. Она хочет, чтоб мы отвели ее к нему.

– Тогда надо посадить ее в скорую. Он наверняка в окружной больнице. Может, уточним для полной уверенности?

– Мой папа в Сеульском госпитале, – встряла девочка, которая секунду назад напрочь отказывалась говорить.

– В Сеульском госпитале?

Сержант уставился на нее, а потом перевел взгляд на Санука.

– А вообще тут есть поблизости какой-то Сеульский госпиталь?

– Не уверен. Я тоже про такой первый раз слышу.

Для приема пострадавших при пожарах в Западном окру-

ге было выделено сразу несколько больниц, но никакой Сеульский госпиталь среди них не значился. Девочка с явно рассерженным видом смахнула кулачком слезы со щек, вытащила из кармана визитную карточку и сунула ее Сануку.

– Тут есть папин телефон. Позвоните ему, пожалуйста, – попросила она.

Взяв у нее визитку, Санук бросил на сержанта Ю недоуменный взгляд.

– Ну, чего ждешь? Звони давай! – поторопил его сержант.

При этих словах Санук поспешно вытащил из кармана мобильник и набрал номер.

– Алло? Гм... это господин Юн Джесон? – спросил он, когда ему ответили.

Голос на другом конце линии звучал откровенно сонно. Похоже, что ответивший мужчина еще не был в курсе про пожар. Ну кто обрадуется телефонному звонку в такую рань? Отец девочки довольно резко поинтересовался, чего надо.

– Вас ищет ваша дочь. Мы сейчас в районе Ынам, тут был пожар... Да. Да, совершенно верно. Возле виллы Чонсон на улице Тальмаджи. Да... Не волнуйтесь. Она не пострадала. Да... Да.

Отец девочки, явно встревожившись, уточнил адрес, пообещал немедленно приехать и отключился.

Едва Санук убрал телефон в карман, как девочка потянула его за штанину. Он быстро опустил на нее взгляд. Глаза ее светились надеждой и восторгом.

– Он приедет? – нетерпеливо выпалила она.

– Да, скоро будет здесь, никуда не уходи.

На лице ее отразилось видимое облегчение. Страх и тревоги как не бывало. Обернувшись, Санук увидел, что скорая уже уехала. Оставив девочку на попечение полицейских, сержант Ю и Санук двинулись в переулок, к месту пожара.

* * *

Спасатели уже ушли, а оставшиеся пожарные выламывали обгоревшие двери, проверяя, не осталось ли кого-нибудь внутри. Сержант Ю с Сануком тоже принялись осматриваться.

Похоже, больше всего пострадали отдельный частный дом в самом конце тупикового переулка и расположенное по соседству невысокое здание на несколько квартир.

Первым делом сержант с Сануком двинулись к частному дому.

Пройдя за ворота, они оказались во дворике с несколькими деревцами и простеньким двухэтажным строением. После тушения пожара тут осталось натуральное болото, натекающая из дома вода образовала многочисленные лужи. Сержант Ю и Санук, включив фонарики, принялись осматриваться, уделяя основное внимание фасаду, совершенно почерневшему.

Дом выгорел практически полностью – окна выбиты, сте-

ны покрыты толстым слоем сажи. Двухэтажное многоквартирное здание по соседству тоже выглядело не лучше, из окон над балконами повывлетали стекла. За пустыми проемами – сплошная чернота, в которой кое-где проглядывали остатки мебели и расплавившихся от жара пластмассовых корпусов всякой бытовой техники, с них до сих пор капала вода. Жуткое зрелище – трудно было поверить, что здесь когда-то жили люди. Охваченный огнем дом превратился в ад.

Там, где языки пламени лизали стены, остались их отпечатки – тянущиеся вверх росчерки сажи.

Переступая через лужи, сержант Ю и Санук принялись осматривать стены с черными разводами.

– Похоже, что огонь перекинулся отсюда на квартиры.

В ответ на эти слова Санука сержант лишь кивнул, направляясь на зады дома, чтобы обследовать пространство, разделяющее оба здания.

Тут оставался совсем небольшой промежуток – судя по всему, недавно заваленный всяким барахлом, оставившим после себя лишь бесформенную почерневшую гору, пропитанную водой. Над ней до сих пор курился дымок, словно пожар еще не покончил с домом.

Санук потрогал несколько остатков непонятно чего, превратившегося в бесформенные куски угля, поворошил пепел носком ботинка. Принюхался.

– Дерево и какая-то химия, – определил он. – Похоже, здесь ко всему прочему валялись и обрезки пластиковой об-

лицовки.

– Наверное, остались после строительства или ремонта. Вон двери, еще какие-то стройматериалы...

– Да, похоже на то.

Если бы здесь было пусто, огонь не распространился бы на соседнее здание. Фанера и пластиковые планки оказались тем самым мостиком, по которым огонь запросто перепрыгнул на многоквартирный дом по соседству.

Сержант Ю и Санук уже выходили обратно во дворик, когда из дома выскочили несколько пожарных с криками – внутри обнаружили мертвые тела. Один бросился в сторону переулка за каталкой.

Сержант Ю невольно зажмурился.

Пожар, начавшийся посреди ночи, причинил более значительный ущерб, чем обычно, поскольку большинство людей крепко спали. Семья в частном доме, очевидно, погибла прямо во сне, даже не успев понять, что вокруг бушует пламя. Вслед за одним из пожарных сержант Ю прошел внутрь, приготовившись к худшему.

Погибших было двое. Похоже, что в момент смерти они спали бок о бок. Видимо, муж и жена. При виде обгоревших тел сержант Ю едва справился с приступом дурноты и быстро натянул на лицо маску респиратора.

И, едва начав осматривать тела в спальне, инстинктивно почувствовал: что-то тут не так.

Что-то необъяснимое завладело им, да так и не отпуска-

ло. Подойдя к трупам, он приподнял полусгоревшее шерстяное одеяло. Может, оно частично прикрыло тела от огня, поскольку под ним они оказались практически нетронутыми, но... Это сразу его поразило, но он не стал делать поспешных выводов.

Санук, который только входил в комнату, при виде мертвых тел машинально попятился. Пожарным инспектором он работал не первый год и навидался всякого, но все же до сих пор старался по возможности держаться подальше от мертвецов. Сержант Ю двинулся к выходу, попросив пожарных пока что ничего не трогать в спальне. Санук, который расхаживал взад-вперед по дворику, направился вслед за ним к воротам.

– Ты куда?

– Возьму фотоаппарат из машины.

– У меня с собой.

– Мне свой нужен. Хочу сам все заснять.

Ощувив натянутость в голосе сержанта, Санук предпочел промолчать. Стремление коллеги самому заняться этим делом свидетельствовало об одном: у пожара прослеживается криминальный след. Тому требовались подробные снимки, фиксирующие место происшествия.

В этот момент в кармане у Санука зазвонил мобильник. Глянув на высветившийся номер, он принял звонок. Это был отец девочки, которому он недавно звонил. Тот сообщил, что уже на подъезде и поинтересовался, где его дочь.

– В патрульной машине прямо у въезда в переулок, – объяснил Санук. – Туда и подъезжайте.

– Ту девчонку уже отец ищет, – сообщил он сержанту Ю. Сержант заступил ему дорогу.

– Э, в чем дело? – удивился Санук.

– Я сам с ним пообщаюсь, так что оставайся здесь и продолжай осмотр.

Сержант Ю, который всегда переживал, что обстановка на месте происшествия может быть в его отсутствие нарушена, быстро вышел в переулок и направился в сторону главной улицы, на которой стояла патрульная машина.

В переулке, где совсем недавно толклись десятки людей, теперь стало тише. Все разошлись и разъехались, не считая минимума пожарных машин и скорых. Толпа тоже заметно поредела. Пожар потушили, час был ранний, и люди наверняка отправились по домам досыпать или собираться на работу.

Поспешно достав фотоаппарат из машины, сержант Ю подошел к патрульному автомобилю. Полицейского нигде не было видно. Поискав его глазами по сторонам, Ю заглянул внутрь.

Девочка, свернувшись на заднем сиденье, тихо спала. Видать, после всех переживаний успокоилась, узнав, что скоро приедет отец.

Даже во сне она крепко прижимала к себе своего плюшевого медведя. Время от времени покашливала, морщась, как

будто от боли – должно быть, наглоталась дыма. Но, поворачавшись и убедившись, что медведь по-прежнему под боком, опять с облегченным видом засыпала. Сержант Ю ощутил острую жалость к ребенку, способному спать крепким сном после столь ужасных событий. Сколько потом ночей она проведет, ворочаясь без сна, из-за того, что произошло этой ночью?

– О, заснула?.. Я купил ей молока, а то она жаловалась, что у нее першит в горле.

Обернувшись, сержант Ю увидел полицейского в форме, держащего в руках картонку молока и упаковку печенья.

– А где ее родственники? – поинтересовался полицейский.

– Отец уже едет, – отозвался сержант Ю.

– Это хорошо.

Из остановившейся рядом машины поспешно выбрался какой-то мужчина. Бросился было в переулок, но остановился при виде скопления пожарных машин и перемазанных сажей пожарных. Лицо его окаменело от потрясения.

– Господин Юн Джесон? – крикнул сержант Ю.

Мужчина обернулся посмотреть, кто зовет его по имени, и подошел ближе. Губы его нервно подергивались. Но голос звучал твердо и требовательно:

– Где моя дочь?

– Не волнуйтесь. Спит вон там, в машине. Она не пострадала.

Мужчина бросился к патрульному автомобилю проверить, что с дочкой действительно все в порядке. Убедившись, что она спокойно спит, облегченно выдохнул и повернулся к сержанту Ю.

– А где мои тесть с тещей? Они целы? Где они? – спросил он.

– Пострадавших отправили в ближайшую больницу.

Сержант Ю собрался было уточнить, в какую именно, но придержал язык. Его охватило зловещее чувство.

– Они из какого дома? – спросил он по какому-то наитию.

– Из того, что в самом конце тупика.

– Частный дом рядом с многоквартирным?

– Да. А почему вы спрашиваете?

В голове у сержанта промелькнула жутковатая картинка: лежащие рядышком два обгоревших тела с натянутым на головы одеялом. Эти двое, похоже, – дедушка и бабушка девочки со стороны матери.

Увидев выражение на лице сержанта, мужчина немедленно все понял. Недоверчиво приоткрыл рот. Заморгал, словно пытаясь подобрать нужные слова.

– Так они... погибли? Оба?

Сержант Ю кивнул, избегая встречаться с ним взглядом. Он просто-таки почувствовал, как тело мужчины разом обмякло.

– А куда... куда отвезли тела? – продолжал спрашивать тот.

– Ну... – сержант замешкался.

Было нелегко произнести это вслух. Тем более что он не мог пока объяснить, что именно произошло. Все прояснится только после тщательного обследования места происшествия и вскрытия. До этого момента нельзя объявлять тому, кто потрясен до основания потерей близких, что причина их смерти – убийство, а не огонь. Сержант решил, что лучше сообщить об этом отцу девочки, когда все подтвердится и когда тот более-менее оправится от первоначального шока.

– Сейчас вам лучше отвезти дочку домой. Мы вам позволим. Она наверняка очень устала, – сказал он.

Мужчина, вспомнив про дочь, повернулся, опять заглянул в патрульную машину и кивнул.

– Ваша супруга тоже была в этом доме? – спросил сержант Ю.

– А?.. – Мужчина посмотрел на сержанта с испуганным выражением на лице.

Чуть раньше девочка сказала, что ее мама умерла. Дом еще досконально не осматривали, так что внутри вполне могло находиться еще одно тело.

– Нет, моя жена... умерла год назад, – запинаясь, ответил мужчина.

– О... простите. Мы просто не так поняли.

В ответ на извинения сержанта мужчина лишь отмахнулся – мол, все нормально, уже открывая дверцу патрульной машины.

Сержант Ю посмотрел, как отец подхватил дочь на руки, а потом направился обратно к переулку.

Пока он бездумно вертел в руках фотоаппарат, мозг его начал лихорадочно работать.

Выходит, убийство? Теперь придется посмотреть на место происшествия совершенно под другим углом, подумалось ему.

Небо понемногу светлело – солнце неуклонно вылезало из-за горизонта.

2

Какое самое старое воспоминание сохранилось у вас в памяти?

Как вы идете в детский сад, держась за мамину руку? Нет, кое-что куда более раннее – я сейчас про самое-самое первое воспоминание, застрявшее где-то в самой глубине мозга.

Говорят, что из своих младенческих времен ты ничего помнить не можешь. Не знаю, по той ли причине, что все это происходило слишком уж давно, или же из-за того, что ненужные воспоминания просто стираются из памяти, – но в любом случае мне всегда интересно, что люди затолкали в самую глубь своих мозгов в качестве своих первых воспоминаний.

«Какое самое старое воспоминание сохранилось у вас в памяти?»

Вот что я первым делом спрашиваю, встречаясь с людьми. Почему-то кажется, что именно это самое раннее воспоминание, застрявшее в чьей-то голове, определяет судьбу или личность. А еще кажется, что можно понять, с каким человеком ты имеешь дело, основываясь на этом его первом воспоминании.

Самое старое воспоминание, которым со мной когда-либо делились, было о миске супа из морской капусты, получен-

ной на первый день рождения⁴. Один мужик как-то рассказывал.

Короче, это был его самый первый день рождения – ровно год прошел с того момента, как он появился на свет. Я спросил того мужика, как он вообще может такое помнить, а он ответил, это все потому, что как только ему поднесли эту миску с супом, как его немедленно в нее стошнило. Вот почему он никак не может про это забыть. Я с этим мужиком одно время выпивал – он с тех пор терпеть не может суп из морской капусты, и, по-моему, его привычка блевать по любому поводу сформировалась именно в тот день.

Если б столь гадостное первое воспоминание было у меня, я бы, наверное, тоже всю жизнь не мог проблеваться. Но все же оно у него куда лучше моего собственного.

Время от времени я представляю себе, как все происходило.

Я лежу, откинувшись в удобном кресле, и копаюсь в памяти, как мне велит гипнотизер. Говорят, что, возвращаясь назад во времени, можно вспомнить свое самое раннее детство, даже материнскую утробу. Некоторые видят свои предыду-

⁴ Празднование первой годовщины со дня рождения ребенка (*Толь*) – один из наиболее важных корейских ритуалов. Ребенка, наряженного в традиционный костюм *ханбок*, сажают в центре стола, а вокруг него расставляют еду и предметы, символизирующие разные профессии. По тому, какой предмет возьмет в руки ребенок, предсказывают его наклонности и будущее. При этом на стол принято выставлять суп из морской капусты (*миёккук*). Согласно верованиям, этот суп особенно полезен женщинам во время беременности и при кормлении ребенка грудью, и подают его в напоминание о страданиях матери при родах.

щие жизни⁵. Но я и знать не хочу про свои прошлые жизни, естественно. Я даже просто не верю во всю эту чушь.

А вот что мне действительно хотелось бы знать, так это как выглядела моя мать, когда я вылез из темноты в этот мир. Что было написано у нее на лице в тот момент.

Спросите, почему?

Наверное, потому, что моя маменька любила повторять мне, что возненавидела меня еще до того, как я появился на свет. Говорила мне, что даже не посмотрела на меня, когда я родился. Акушерка тут же передала меня ей, но она оттолкнула ее руки, заявив, что не желает прикасаться ко мне, и тут же заснула. Захрапела, повернувшись ко мне спиной, а когда проснулась и, не подумав, повернулась на другой бок, то при виде меня перепугалась до чертиков. По ее рассказам, ее аж морозом по спине продрало, когда она увидела, как я неподвижно и молча лежу – не ору, не дрыгаюсь, задвинутый куда-то в сторонку.

Хотелось бы мне точно знать, действительно ли она даже не посмотрела тогда на меня, ни разу не улыбнулась мне. Действительно ли ненавидела меня, когда я девять месяцев провел в ее утробе и вылез на белый свет между ее ног? Что, точно ни разу не улыбнулась? Ей и вправду не захотелось протянуть руку и коснуться этих едва сгибающихся пальчиков, поцеловать эти мягкие, нежные щечки? Я-то этого не

⁵ Одна из основных религий в Корее – буддизм с его доктриной о переселении душ.

помню, поскольку был слишком мал, но хочу перешерстить все уголки своего мозга до последнего – вдруг там все-таки сохранился этот момент.

Если б вы сейчас могли заглянуть мне в башку и увидеть, какие там воспоминания о моей матери теперь, вы бы всё поняли.

Первое из этих воспоминаний начинается с темноты.

Я пытаюсь вырваться, потому что кажется, будто мое сердце вот-вот разорвется в клочки и я задыхаюсь. И тут тьма вдруг спадает, и моя мать смотрит на меня откуда-то сверху с пустым выражением на лице. Наконец я как-то ухитряюсь вдохнуть опять – кашляя, хватая воздух ртом, вижу окружающий мир сквозь слезы. Когда боль в груди наконец утихает и я могу нормально дышать, моя матушка, которая тарашится на меня, начинает визжать. Кусает подушку, которую почему-то держит в руках, судорожно всхлипывает. Звуки такие жуткие, что я, неспособный отползти или откатиться от нее, тоже начинаю орать. Мать трясет меня и визжит еще громче, вся так и корчась. Не знаю, сколько мне тогда было. Два годика? Три? Пожалуй, примерно столько, поскольку я едва умел говорить.

Да, самое мое первое воспоминание – это о том, как я отчаянно пытаюсь вывернуться из-под подушки в руках у своей собственной матери. Вот что мне первым делом в моей жизни запомнилось, так что не сомневаюсь, что вы легко можете предположить, что происходило потом.

Какие бы сцены со мной и моей матерью ни приходили мне на ум, единственное, что я могу припомнить, – это как меня бьют или как я убегаю и прячусь от нее, свернувшись в комок где-нибудь в углу, перепуганный до смерти.

Что же до улыбок, то иногда она мне все-таки и впрямь улыбалась. Но лишь тогда, когда пыталась поймать меня, пряча за спиной палку, или когда у нее был еще какой-то скрытый мотив. Если я шел к ней, одураченный этой улыбкой, ее грубая рука хватала мою тонкую ручку и выкручивала ее, или же шлепала по щеке.

Я регулярно давал себе клятвы больше не покупать на такие хитрости, но каждый раз повторялось одно и то же. Когда я достаточно подрос, чтобы вовремя увернуться от нее и убежать, она орала мне вслед, осыпая бранью. Но что из того, если меня догонит лишь вся эта ругань?

Хотя знаете что?

Слова могут оставлять куда более глубокие, куда более страшные раны, чем какая-то оплеуха. Вне себя оттого, что не может поймать меня, она ругалась и вопила как резаная. Даже когда я плотно закрывал уши, ее слова буквально ввинчивались мне в голову. Эти слова ранили меня, и полученные раны продолжали нагнаиваться изнутри. Меня просто переполняли грязная кровь, гной, зараженные слова и мысли.

Когда я был маленьким, то не мог посмотреть людям в глаза. Сжимался в комок, а сердце колотилось как бешеное,

стоило мне слышать, как кто-то приближается ко мне. Если мои глаза случайно наталкивались на чей-то взгляд, я сразу отводил их и бросался бежать. Думал, что абсолютно все на свете ненавидят меня. Думал, что мать бьет меня каждый день как раз по этой причине – что всем противно само мое присутствие в этом мире. Думал, что страх – это сама моя сущность.

И лишь много позже понял, что ненавидела меня одна лишь моя мать.

Ненавижу ли я ее?

Нет, нет, что вы! Ну как же можно? Это же моя мама.

Я люблю свою маму.

3

Когда в аудитории зажегся свет, студенты облегченно выдохнули, словно очнулись от какого-то кошмарного сна. Те, что сидели возле окна, стали поспешно раздергивать плотные шторы и открывать рамы, впуская солнце. Когда помещение вновь наполнили яркий свет и свежий воздух, все заметно ожили. Преступления, заставившие всех съежиться от ужаса, бесследно растворились в теплых желтых лучах, льющихся с неба.

Выключив проектор, Сонгён вновь повернулась к студентам.

В том, как они негромко переговаривались между собой, по-прежнему проглядывали следы тревоги и страха. Но точно так же, как кошмарный сон, который уже не имеет над вами власти, стоит вам проснуться, так и испытанный ими страх должен был вскоре испариться без следа.

Когда лекция еще только начиналась, глаза студентов сверкали от любопытства и восторга. Их лица были полны нетерпения, словно говорили: наконец-то мы все увидим это собственными глазами! Кто-то обмолвился, что они ждали этого момента с самого начала семестра. Но когда на экране один за другим замелькали слайды, шум моментально утих. На смену восторгам пришла весьма гнетущая атмосфера.

Пока фотографии сменяли друг друга, из аудитории до-

носились испуганные и растерянные восклицания. Все сосредоточились на размеренно моргающем экране; стало так тихо, что можно было услышать, как кто-то обронил шариковую ручку. Студенты, внимательно прислушивающиеся к словам Сонгён, напряженно замерли.

Никакие ночные кошмары не могут сравниться с реальностью.

И никаким фильмам ужасов не сравниться с реальными местами преступлений, наглядно демонстрирующими, насколько бездушным и жестоким может быть человек. Староста курса, который недавно разглагольствовал, что, мол, все это наверняка не может быть страшней какой-нибудь киношной резни, теперь помалкивал в тряпочку. Пропасть между реальностью и вымыслом оказалась гораздо шире и глубже, чем он и его сокурсники могли себе представить. И, увидев своими собственными глазами то, что извращенное изображение преступников творит с жертвами, они были до глубины души потрясены звериной жестокостью реальных криминальных сцен – настолько потрясены, что и не пытались этого скрыть.

Лекция, которую Сонгён прочитала в прошлом году в качестве приглашенного специалиста, в итоге привела ее на нынешнюю преподавательскую должность, и теперь ей пришлось немало поломать голову, чему посвятить эту заключительную лекцию семестра. Поскольку вела она криминальную психологию, ей волей-неволей приходилось посвящать

немало учебных часов теориям многочисленных психологов с непонятными терминами, но это было не совсем то, о чем ей сейчас хотелось бы рассказывать. И это было не совсем то, про что студенты хотели слушать.

С самого первого дня студенты проявляли к Сонгён все больший интерес и ждали от нее многого. Слухи о той ее самой первой лекции, равно как ее страничка на веб-сайте факультета, лишь подстегивали всеобщий интерес.

Еще в тот первый раз кто-то из студентов дал Сонгён прозвище «Кларисса» – так звали вымышленную курсантку школы ФБР, расследовавшую преступления маньяка при содействии Ганнибала Лектера, гениального серийного убийцы. Тот факт, что и сама Сонгён проходила подготовку в ФБР, причем в подразделении поведенческого анализа, стал среди студентов настоящей сенсацией. Естественно, вопросы лавиной обрушились на нее еще в ходе самого первого ее выступления перед студенческой аудиторией.

Поначалу Сонгён изрядно нервничала. Не понимала, почему студенты задают такие вопросы. И только потом, узнав о публикации на веб-сайте факультета, поняла, в чем тут дело.

«Прошла подготовку в подразделении поведенческого анализа ФБР».

То, о чем она вскользь упомянула в ходе собеседования с деканом, выставили на всеобщее обозрение в ее факультетском интернет-профиле. Прочитав это, студенты вообрази-

ли, будто Сонгён прошла подготовку в качестве оперативника вроде Клариссы Старлинг из «Молчания ягнят». Ей хотелось объяснить всем, что это просто недоразумение, но глаза студентов, полные любопытства и восхищения, заставили ее прикусить язык.

Да, подготовку в ФБР она действительно прошла, но совсем не такую, какую воображали себе ее подопечные.

То, что было на самом деле, это всего лишь двухнедельный курс – а точнее, даже десятидневный, в неделю-то пять рабочих дней, – предоставленный наиболее успевающим студентам, изучающим криминальную психологию в одном из университетов на востоке Соединенных Штатов. К тому моменту, как Сонгён стала достаточно ориентироваться в обширном здании Академии ФБР, чтобы не заблудиться по пути в туалет, все благополучно и закончилось. Если говорить об отделе поведенческого анализа, то Сонгён видела разве что его дверь с соответствующей табличкой, а специальным агентом из этого отдела, мастером психологического портрета, имела честь любоваться лишь издали, слушая его лекцию в огромной аудитории. Похоже, для ФБР этот курс, знакомящий с самыми азами профайлерского ремесла⁶, был не более чем обычным пиаром.

Однако же студенты, даже не предполагавшие ничего подобного, были в полном восторге. Сонгён пыталась избегать

⁶ Профайлинг – составление психологического профиля (психологического портрета) преступника.

разговоров на эту тему, отговариваясь, что все это не заслуживает внимания, но они не отставали. Отделаться от обсуждения этой темы удалось лишь при помощи всяких историй якобы из жизни, бóльшая часть которых была услышана от соседки по комнате в общежитии Академии.

Правда, Сонгён имела неосторожность пообещать своим подопечным, что при случае расскажет о серийных убийцах, о которых узнала тогда в ФБР. Студенты эти слова запомнили и терпеливо ждали целый семестр. Так что деваться было некуда – отсюда и тема заключительной лекции. Сонгён долго готовилась и в конце концов пришла к выводу, что это и впрямь неплохой способ подвести черту под прочитанным курсом.

Чтобы не разочаровать пребывающих в нетерпении студентов, пришлось основательно порыться в «Гугле» и написать письмо по электронке подруге в Штатах. К счастью, большинство необходимых иллюстраций удалось нарыть в Интернете, а Джесси выручила ее с тем, чего не хватало.

Сонгён предположила, что Джесси – той самой соседке по комнате в общежитии, ныне работающей в частной криминалистической лаборатории, – будет достаточно легко прибрать к рукам кое-какие материалы. И впрямь: по просьбе Сонгён Джесси с готовностью предоставила ей все, что требовалось. Ей даже удалось собрать больше, чем ожидала Сонгён, благодаря информационной системе общественных учреждений в США. Когда Сонгён отправила ей имейл с бла-

годарностями и упомянула, что студенты прозвали ее Клариссой, Джесси тут же ответила: «Если когда-нибудь встретишь корейского Ганнибала, привет ему от меня».

Сонгён уже собирала сумку, размышляя над тем, что надо бы сообщить Джесси, какой успех благодаря ей имела лекция, когда услышала, как кто-то зовет ее из зала. Обернувшись, она увидела, как студент возле окна тянет руку вверх.

Сонгён кивнула, студент встал и задал вопрос.

– Мы только что слышали про особенности детства серийных убийц. Значит ли это, что их можно вычислить еще в самом малолетнем возрасте?

Она вполне могла понять, откуда взялся этот вопрос. Дальше идет поле непаханое. Почему серийные убийцы становятся такими, какие они есть? Теперь посыплются десятки подобных вопросов.

– Это как раз то, что чрезвычайно заботит психологию с самого начала двадцатого века. Криминальные психологи давно пытаются выяснить, в чем корни преступного поведения. Ученые, занимающиеся изучением генетики и биологических характеристик, считают, что все дело в наследственности, а те, кто исследует социальное окружение, уверены, что причина как раз в нем. Те же, кто анализирует рентгеновские снимки мозга преступника, уверяют, что любое преступление – это результат каких-то повреждений мозга.

Сонгён сделала паузу и один за другим оглядела своих слушателей.

– А как вы сами-то думаете?

Все уставились на нее, полностью захваченные ее словами и ожидая продолжения.

Похоже, никто не хотел, чтобы лекция закончилась. Явно удовлетворенная этим, Сонгён немного подумала, что бы сказать дальше, и наконец произнесла:

– Слышали когда-нибудь о Треугольнике Макдональда?

– Биг-Мак, Мак-утро и яблочный пирог! – выкрикнул какой-то остряк из задних рядов. Остальные студенты, которых вопрос заставил наострить уши, дружно заушмылялись. Сонгён тоже улыбнулась.

– Я сейчас про другого Макдональда. Был такой американский психолог. Он установил, что три вещи в детстве – ночное недержание мочи, пиромания и жестокое обращение с животными – способны указать на то, вырастет ли ребенок с какими-то душевными отклонениями или нормальным. Вы об этих показателях наверняка уже слышали, так ведь?

– Всё это признаки будущего серийного убийцы, – ответила девушка, сидящая в первом ряду.

– Совершенно верно. Как правило, все серийные убийцы хоть чем-нибудь из этого в детстве да страдали. Есть, конечно, исключения, но большинство серийных убийц отличались в раннем возрасте именно таким поведением. А теперь: мочился ли кто-нибудь из вас в постель, когда был маленьким?

Поглядев на студентов, Сонгён первой подняла руку.

Те принялись переглядываться – кто последует ее примеру. Когда тот студент, который задал вопрос, нерешительно поднял ладонь вверх, под общий смех поднялось еще несколько рук.

– Кое-кто руку не поднял, но все понятно по лицам, – пошутила Сонгён, вызвав еще один взрыв смеха. – А теперь: кто играл с огнем?

На сей раз рук оказалось больше, и взлетели они охотней.

– И, наконец, кто когда-нибудь жестоко обращался с животными?

На сей раз руку не поднял никто. Внимательно оглядев студентов, Сонгён произнесла:

– Когда я училась в младших классах, среди детишек была популярна одна игра. К школе приходил какой-то мужчина, который продавал маленьких цыплят, мальчишки скидывались, покупали у него всех цыплят и залезали на крышу соседней высотки. А потом... Вы ведь уже поняли, что было дальше?

Девушки, скривившись, прикрыли руками рты. Но парни отреагировали по-другому. Наконец припомнив, начали переглядываться, обмениваясь понимающими кивками.

– Да, как вы правильно догадались, мальчишки сбрасывали этих цыплят вниз, одного за другим, чисто из любопытства. Они не думали, что поступают жестоко – это было больше похоже на эксперимент. Им хотелось выяснить, выживут ли цыплята после падения. Скажем так: это были натурные

испытания, ставящие целью оценить способность цыплят к полету.

Настороженное выражение исчезло из глаз парней. Улыбнувшись, Сонгён задала следующий вопрос:

– А кто-нибудь из вас проводил эксперименты на животных, просто чтобы удовлетворить собственное любопытство?

– Препарирование лягушек считается?

– Полагаю, что да, если это не то, что вам велели сделать, а чисто из личного желания увидеть все собственными глазами.

На сей раз руки подняли сразу несколько студентов, в том числе и девушки.

– А теперь: кто из вас готов дать положительный ответ сразу на все три вопроса?

Руки подняли четверо студентов. Правда, еще один, начав было тянуть руку вверх, быстро опустил ее, чем вызвал новый взрыв хохота.

– Выходит, таких у нас в аудитории четверо. Так кто же из вас серийный убийца? – уперев руки в бока, спросила Сонгён.

Один из студентов начал было показывать на себя, пытаясь привлечь к себе внимание, но остановился, когда на него зашикали.

– Теперь понимаете, в чем дело? Да, попытки обобщения нередко приводят к ошибкам. Пусть даже все это действи-

тельно относится к детским признакам серийного убийцы, далеко не каждый, у кого они есть, – серийный убийца. Вообще-то говоря, число таких людей крайне невелико, – резюмировала Сонгён.

– Так к чему вы сами склоняетесь? К врожденному или приобретенному? – спросил кто-то из студентов.

– Это как раз то, с чем приходится иметь дело науке психологии. Однозначного ответа не существует. Как говаривал Эйнштейн, человечество ограничено не размерами вселенной, а возможностями человеческого разума.

Студентам, которые привыкли получать на свои вопросы четкие и ясные ответы, психология могла представиться весьма туманной и разочаровывающей областью знаний. Все углубились в собственные мысли, размышляя над словами преподавательницы. Сонгён бросила взгляд на часы на стене. Время лекции подходило к концу.

– Есть еще вопросы? – спросила она, чтобы наконец подвести черту.

Студенты, уловив намек, стали собирать свои сумки, но одна из девушек, в очках в толстой черной оправе, подняла руку. Все оторвались от своего занятия и посмотрели на нее.

– Почему только небольшая часть людей становится серийными убийцами, хотя остальные тоже занимались в детстве теми же самыми вещами?

Сонгён ожидала подобного вопроса. Она частенько задавала его и самой себе.

Почему? Почему люди становятся преступниками?

Однако вопрос тоже был не из тех, на которые можно ответить четко и однозначно. Человеческое существо – слишком сложная штука, чтобы охарактеризовать его одним-единственным словом. Сонгён и самой надо было еще очень много узнать и очень многому научиться. Будучи и сама практически новичком в криминальной психологии, она пока не знала ответа на этот вопрос. И будет ли вообще хоть когда-нибудь знать?

– Я могу рассказать, как именно серийные убийцы убивают людей, как режут своих жертв, как едят их, но, честно говоря, я не знаю, как они стали серийными убийцами. Само их поведение подвластно анализу, но вот на вопрос «почему?» вряд ли способны ответить даже они сами.

Студентку в очках, судя по всему, подобный ответ не удовлетворил. Посмотрев на нее, Сонгён добавила:

– Правда, я задавала себе вопрос, какого рода опыт, оказавший на вас какое-то влияние в детстве – когда вы отрывали крылышки у бабочек и стрекоз, пинали щенков, сбрасывали цыплят с крыши, – напрочь застревает в мозгу. Как только вы теряете интерес, то перестаете все это делать из простого любопытства. Или же способны вовремя остановиться, осознав, насколько ужасны и отвратительны такие ваши поступки. Как я уже говорила, в детстве это лишь нечто вроде ритуала посвящения, через который нередко приходится пройти практически каждому.

Сонгён ненадолго примолкла, чтобы собраться с мыслями.

– Хотя у некоторых людей подобное чисто детское любопытство способно прогрессировать, в результате чего они способны перейти от насекомых к небольшим животным вроде птичек и мышек, а потом и к живым существам покрупнее. Такое поведение уже не рассматривается ими как нечто ужасное и отвратительное – скорее как что-то завораживающее и всепоглощающее. А тут уже и до перехода на людей недалеко. Совершенно не укладывающиеся в голове повреждения и отметины на телах жертв показывают, как работает разум таких людей.

– А вы не думаете, что с этим уже рождаются? – спросила все та же студентка.

– Частично – да. Но все зависит от того, в какую сторону направятся какие-либо врожденные качества. Я читала в одной книге, что серийных убийц и хирургов объединяют две общие черты – хладнокровие и невосприимчивость к чужой боли. Но даже притом что и те, и другие некогда начинали с чисто детского любопытства, в итоге две эти категории людей разошлись в диаметрально противоположные стороны, в зависимости от того окружения, в котором они оказались как по воле случая, так и по собственному выбору.

Девушка, задавшая вопрос, кивнула. Сонгён посмотрела на остальных студентов, которые внимательно прислушивались к ее словам. Ее и немного печалило, и радовало, что

семестр наконец подошел к концу.

Чтобы резюмировать все сказанное, она вернулась к кафедре.

– Серийных убийц формирует целое множество самых разнообразных факторов, примерно как множество деталей пазла складывается в общую картину. Эти факторы включают в себя генетическую предрасположенность, какие-то личностные особенности, окружение и воспитание, ряд психологических признаков и так далее. Точно так же, как бумага начинает гореть только тогда, когда вы сфокусируете на ней солнечный свет в одной малюсенькой точке, так, на мой взгляд, и с серийными убийцами: ими становятся лишь в том случае, когда сразу несколько факторов наложатся друг на друга, образовав точку возгорания.

Несколько студентов закивали.

– Пол Бриттон⁷, британский психолог, называл себя «собирателем пазлов». И он был совершенно прав. Задача психолога-криминалиста – собирать рассыпанные информационные детали, чтобы сложить их в общую картину психологического мира преступника, точно так же, как складывают головоломку. И каждую из таких деталей еще надо отыс-

⁷ Судебный психолог-консультант и автор нашумевшей книги «Собиратель пазлов» Пол Бриттон (р. 1946) больше известен серьезной ошибкой в ходе расследования убийства Рейчел Никелл в 1992 г. в Лондоне. На основании выводов Бриттона, организовавшего провокацию по отношению к выбранному им подозреваемому, под следствие попал невиновный человек, а настоящий убийца был пойман только в 1998 г.

кать среди всего того, что делает человека серийным убийцей. Если даже одной такой детальки не хватит, мы так до конца и не поймем, почему человек стал серийным убийцей.

– А разве нельзя просто спросить? – спросила наивного вида девчонка в первом ряду. Сидящая рядом подруга пихнула ее локтем, словно попрекая за эти слова. – В смысле, разве не могут профайлеры и криминальные психологи просто спросить об этом серийного убийцу, когда с ним беседуют?

– А ты думаешь, им скажут правду? – заметила в ответ Сонгён.

Девушка нерешительно замешкалась с ответом, а потом смущенно склонила голову набок. Похоже, ей и в голову не приходило, что преступники способны врать.

Как было бы замечательно, если б преступники давали честные ответы на любые вопросы, как наивно думает эта девчонка! Но Сонгён никогда о таких преступниках не слышала.

– Они соглашаются на беседы с психологами не для того, чтобы говорить правду. Обычно они просто хотят повыделываться и получить подтверждение собственному могуществу. И с этой целью врут, преувеличивают, хвастают... – объяснила она.

– А как вы можете это понять? В смысле, что они просто врут или хвастаются... – робко спросила все та же девушка в первом ряду.

– Место преступления характеризует их гораздо точнее, чем собственное вранье. Но, к сожалению, обстановка на месте преступления – это целый набор кодов, а правильно интерпретировать их – дело крайне непростое. Чем с большим числом таких мест мы можем ознакомиться, тем лучше понимаем, где находятся недостающие кусочки пазла, и нам остается лишь правильно сложить их в единую картину.

Девушка кивнула – наконец-то до нее дошло.

Сонгён оглядела студентов – нет ли еще вопросов, но большинство уже собирали тетради и застегивали сумки. Похоже, теперь все только ждали, когда им разрешат разойтись.

– Ну что ж, на данный семестр это всё. Все молодцы. Удачи на экзаменах и хороших каникул!

Как только Сонгён закончила свою речь, студенты дружно поднялись и направились к выходу. Когда, убрав проектор, она обернулась, ряды сидений уже были пусты.

Оглядывая опустевшую аудиторию, Сонгён с облегчением вздохнула – первый ее семестр в роли преподавателя вроде прошел успешно. Было немного грустно, ощущалась усталость – но усталость хорошая. Только тут она осознала, насколько ей нравится преподавать. Довольная собой, Сонгён тоже двинулась к выходу, когда ее сумка вдруг завибрировала. Мобильник.

Она быстро вытащила телефон, глянула на высветившийся номер и ответила.

– Алло, это Ли Сонгён, слушаю.

Звонил Хан Дончхоль, директор ассоциации криминальной психологии.

Сонгён удивленно склонила голову набок. Она уже пару раз встречалась с ним на семинарах, но больше их ничего не связывало. «Интересно, – подумала она, – он хоть помнит, как я выгляжу?»

Я вам вроде уже говорил про комнату? Комнату с десятками замков на двери?

Я-то думал, что и впрямь накрепко ее закрыл, но в один прекрасный день все замки вдруг разом открылись. И знаете, почему это вышло?

Из-за песенки.

Если б я не услышал это песенку опять, воспоминания о моей мамаше остались бы где-нибудь в пяти тысячах метров под землей и никогда не вылезли наружу.

Когда мне было одиннадцать или двенадцать, я сбежал от матери, задавшись целью оказаться как можно дальше от дома. Беспомощно брел по автостраде, прорезающей насквозь всю страну, то и дело тайком забираясь в кузов какого-нибудь грузовика, чтобы уехать еще дальше. Но особо продвигаться не удалось, поскольку я попал в аварию.

Копаясь в мусорных баках на рынке, я заметил в самом углу стоянки небольшой фургон. На номерном знаке было написано «Канвон», и я задумался, где же этот Канвон⁸ может быть. Водитель тем временем вылез из кабины. Дверцу за собой не запер. Наверное, собирался сразу вернуться. Подумалось, что самый момент заглянуть в этот фургон – мо-

⁸ Канвон – провинция Республики Корея, расположенная примерно на той же широте, что и Сеул.

жет, удастся раздобыть что-нибудь поесть или даже немного денег, если повезет.

Я быстро метнулся к кабине и открыл дверь. Внутри увидел куртку водителя. Залез во внутренний карман и нашел толстый бумажник. Решив, что теперь наемся от пуза, вытащил его и сунул себе в карман, когда вдруг услышал чьи-то шаги. Заозирался по сторонам, но спрятаться было негде, так что я нырнул в грузовой отсек и притаился там.

Должно быть, вернулся водитель, поскольку сразу же заскрежетал стартер и мотор завелся. Я ждал момента выпрыгнуть, как только фургон хотя бы слегка замедлит ход, но вскоре мы оказались на федеральной автостраде и продолжали неуклонно мчаться вперед, в темноту. Мне ничего не оставалось, кроме как ждать, пока фургон куда-нибудь заедет и остановится. От мерного покачивания машины меня здорово разморило, и я и сам не заметил, как уснул.

Проснулся я только через неделю.

Пока я спал, фургон врезался в легковушку, которая выскочила на встречку, и несколько раз перевернулся через крышу. Водитель погиб на месте. Меня, должно быть, выбросило из кузова, поскольку нашли меня немного в стороне, с окровавленной головой.

Когда через неделю я очнулся, все стало по-другому.

Я лежал под теплым, чистым больничным одеялом, и ко мне регулярно заглядывала медсестра, которая ласково спрашивала, не болит ли у меня что. Приносила воды, когда

мне хотелось пить, и лекарства, когда я морщился от головной боли.

Я не мог ни шевелиться, ни говорить, но мне было на удивление хорошо. Иногда казалось, что я уже умер и попал на небо. Но если б я даже и умер, жалеть мне все равно было не о чем, так что я был рад просто лежать там, крепко зажмурившись.

Лежал я возле окна, через которое струилось солнце, и пусть даже из-за хирургических швов не мог открыть глаза, кто-то приходил и раздергивал занавески. Мое сердце впервые за все время оттаяло. Вот, значит, каково это – когда тебя любят! Как это чудесно, думал я.

Когда я стал понемногу поправляться и начал говорить, ко мне пришел врач и стал разговаривать со мной, но мне не хотелось много болтать языком. Увидев, что ко мне вернулась речь, он мог спросить, кто я такой, выяснить, где я живу, и позвонить моей матери. Было жутко даже просто подумать об этом. Так что я старался держать рот на замке и делал вид, будто обдумываю его вопросы, крепко зажмурившись, – типа, так жутко болит голова. Наконец, врач перестал забрасывать меня вопросами и после нескольких томограмм мозга оставил в покое.

На следующий день врач сказал, что я ничего не помню из-за той аварии. Странное дело: стоило мне услышать эти слова, как кружащиеся в голове воспоминания и впрямь стали довольно туманными. Первый замок на той двери защелк-

нулся, когда я увидел улыбающееся лицо медсестры, треплющей меня по голове, другой – когда остальные пациенты в палате заплодировали, поскольку мне наконец удалось пошевелить руками и сжать пальцы в кулак.

Так они и закрывались, один за другим, эти замки, запирающие комнату моих страшных воспоминаний, и, как и предположил врач, я почти потерял память. Забыл, кто я, как меня зовут, – все забыл.

Представители власти, наверное, решили, что я сын водителя, поскольку его бумажник обнаружился среди моей одежды. Дорожная полиция, занимавшаяся аварией, и страховая компания связались с родственниками водителя, и те приехали в больницу. Полицейские, естественно, считали, что я из этой семьи, но жена и дети водителя, увидев меня, ничего не сказали.

Жена вроде как спросила у меня, что связывало меня с ее супругом, но когда ей сообщили, что из-за шока я ничего не помню, она не стала продолжать расспросы. Увидела, как я ем, пользуясь левой рукой, и лишь сказала, что муж ее был тоже левша. Не знаю почему, но после похорон ее супруга она стала заглядывать ко мне время от времени, как к своему собственному больному сыну.

А потом, когда я достаточно оправился, чтобы выписаться из больницы, взяла меня к себе домой.

Я отправился с ней, поскольку мне все равно было куда больше пойти, но про себя решил: если мне там не по-

нравится, можно будет в любой момент сбежать. Но только представьте: все меня ждут, ждут с распростертыми объятиями! Там были три девчонки: одна классе в седьмом, другая в старших классах, и еще одна даже младше меня.

И еще там был яблоневоый сад с сотней яблонь.

Девчонки ждали меня в тени дерева прямо у ворот, и когда мы подъехали на такси, все вскочили и бросились открывать перед нами калитку.

Та, что постарше, помогла мне выбраться из машины, поскольку я до сих пор был на костылях, а средняя взяла мою сумку. Самая маленькая бросилась матери в объятия и посмотрела на меня. Глаза ее не были холодными – наоборот, полны тепла и любопытства.

Даже теперь, когда я мысленно возвращаюсь к тому дню, мне кажется, что это было больше похоже на сон.

Женщина сказала, что я могу оставаться у них, пока ко мне не вернется память. Заглянув за ворота, я и впрямь почувствовал себя как дома. Казалось, что я долго шатался по каким-то темным местам и наконец-то нашел дорогу домой.

Знаете, как красив яблоневый сад в июне?

Приятно было просто смотреть на зеленые яблочки, еще совсем маленькие, гроздьями свисающие с веток. Когда я показал на них, женщина улыбнулась и произнесла: «Просто немножко подожди, пока они созреют, – тогда ешь, сколько влезет».

И в этот момент темная комната в моем сердце провали-

лась куда-то в самые глубины подвала моего подсознания.

Да, я могу жить здесь! Да, я могу обрести новую жизнь! Больше не надо никуда бежать, не надо постоянно озираться по сторонам, трепеща от страха!

Я прожил там пять или шесть лет.

Как и сказала мне женщина, никто не запрещал мне, когда яблоки созрели, наедаться от пуза – хрустеть ими, пока рот не слипался от сладости. Девчонки по утрам собирали опавшие за ночь яблоки. Все остальные ели помятые или червивые, но я обирал самые крупные, самые зрелые яблоки прямо с веток. И все же женщина ни разу и словом против этого не обмолвилась – лишь смотрела на меня с теплой улыбкой на лице.

Если б не эта песенка – если б я ее тогда случайно не услышал, – то я так и жил бы в том саду, глядя, как наливаются яблоки, подрезая ветки, прореживая кроны и опрыскивая деревья инсектицидами.

* * *

В тот день я вытащил на двор поломанные ящики для яблок, чтобы сколотить их заново. К тому времени у меня тоже появились свои обязанности по дому – даром я свой хлеб не ел. Яблони были еще не в полном цвету, но все яблоки из погреба мы уже продали и теперь наводили в нем порядок.

И тут при звуке песенки из стоящего рядом радиоприем-

ничка моя рука с молотком замерла в воздухе.

Эта песенка буквально вонзилась мне в уши, мое сердце затрепетало, и я ощутил удушье.

Поначалу не понял почему.

Вытер со лба холодный пот, с усилием выдохнул. Но тревога и страх никуда не девались. Рука, держащая молоток, задрожала. Ощувив дурноту, я поспешно выключил радио, но уже понимал, что происходит нечто ужасное.

Бросился на землю и увидел молоток у себя в руке. Песенка продолжала назойливо крутиться в голове. Я ведь вроде рассказывал о самом раннем своем воспоминании? Ну да – про тот день, когда я едва не задохнулся, придавленный подушкой. Так вот: другое воспоминание, столь же глубоко врезавшееся мне в мозг, – это та самая песенка.

По-моему, это было, когда я еще едва умел ходить и самостоятельно передвигаться по комнате. Не знаю почему, но мать била меня смертным боем. Когда я начинал плакать, она могла затащить меня в ванную, засунуть в наполненную ванну и окунуть мою голову под воду. И, наблюдая, как я задыхаюсь и корчусь от муки, негромким равнодушным голосом напевала эту самую песенку. Пусть даже казалось, что мое сердце вот-вот разорвется в клочья, поскольку вода полностью заполняла мне рот и нос, я все равно слышал ее пение. Когда песенка заканчивалась, она отпускала меня и отправлялась приложиться к бутылке. Все это регулярно повторялось достаточно продолжительное время. Че-

рез несколько лет я даже привык к тому, что меня засовывают с головой в наполненную ванну.

Когда, вдоволь натешившись, моя мать отправлялась на поиски спиртного, я вылезал из воды – после этого обычно меня рвало – и, вытирая слезы, машинально гудел под нос мелодию этой песенки, которая продолжала звучать у меня в голове. Она должна была пугать меня до чертиков, но эта мелодия просто навеки поселилась у меня в мозгу. Я очень хотел, чтобы она умолкла, но ничего не выходило.

Не помню, сколько раз был избит до полусмерти, после чего ходил весь в синяках. Знаю, что время от времени попадал в больницу, но все эти воспоминания – лишь фон для песенки, словно видеоряд в музыкальном клипе. То, что впибалось мне в сердце десятками острых иголок, вытягивало из меня все жилы – это тот самый мотивчик.

Стоило ему зазвучать, как я уже знал, что за этим последует. Песенка была сигналом о том, что сейчас будет больно.

И вот эту-то песенку я вдруг услышал опять.

Пока я холодной ранней весной стучал молотком в садовом сарае, она разом пооткрывала все замки той потаенной комнаты, о которой я вроде бы окончательно забыл.

Прошло уже несколько лет, и моей матери было уже до меня никак не добраться, но стоило послышаться знакомым звукам, как я вновь превратился в того трех- или четырехлетнего ребенка и задрожал от страха, припомнив те ужасные случаи, когда захлебывался в ванне, когда в меня тыка-

ли острыми ножницами или отбивали мне мясо от костей.

Если б я узнал песенку с первой строчки, то сразу выключил бы приемник, – но лишь после того, как зазвучал припев, сообразил, что это та самая, которую так любила напевать моя мать. Я не понимал, о чем поют, но сама песенка, льющаяся из радиоприемника, исполняемая чистым и слегка насмешливым голосом, сильно отличалась от той, что частенько напевала моя мать. Я просто не мог поверить, что мелодия, служившая фоном к действиям, оставляющим меня с гноящимися ранами, переломами и шрамами, на самом деле звучит довольно жизнерадостно и беспечно, словно она из какого детского мультлика.

Я швырнул молоток на землю и зашел в дом, где замотал голову одеялом и стал ждать, когда эта песенка уйдет прочь. Но она, вновь ожившая, все громче и громче звенела у меня в голове. И вскоре я поймал себя на том, что подпеваю ей в такт. От этого мороз пробежал по коже.

Одна из девочек постарше, услышав, как я мычу какую-то мелодию, спросила у меня, откуда я знаю эту песню. Поначалу я просто не мог ничего ответить. Потом как-то ухитрился отговориться – мол, она просто звучит у меня в голове.

Она в восторге воскликнула, что, наверное, у меня в голове пробудились какие-то ранние воспоминания, и сказала мне, как эта песенка называется. По моей просьбе даже потом нашла где-то слова. Сказала, что это было несложно – пусть даже песенка совсем старая, но очень известная.

Слыхали про «Битлз»? Ну да, наверняка слышали. Четверо парней, которые хвалились, будто они известней Иисуса Христа. Одного из них вроде пристрелили, насколько я помню? Родись я чуть пораньше, или будь у меня шанс с ними повстречаться, я наверняка убил бы их своими собственными руками. А перед этим спросил бы, на черта они вообще такую песенку сочинили.

Текст оказался в точности для моей мамани. Она выбрала для себя просто идеальную песню. Какую песню, говорите?

Называется она «Серебряный молоточек Максвелла».

«Бам-бам, молоточек Максвелла вдруг прямо ей в бошку летит, тут-ту-ду-ду, бам-бам, молоточек Максвелла, ей от смерти уже не уйти...» Как-то так.

Этот Максвелл убивает свою подружку, свою училку, даже судью, когда его ловят и судят. Колотит всех, кто ему не приглянулся, своим серебряным молотком. С треском раскалывает им бошки.

Почему из всех песен на свете моя мать напевала именно эту? Скорее всего, она и сама не сумела бы этого объяснить.

Наверное, этот мотивчик прилип к ее губам, едва она его услышала.

Мне очень хотелось как-то остановить эту кружасьуюся в голове песенку. Но как? Я завизжал и заткнул уши, но без толку. Адские врата, стоит их распахнуть, уже не закроешь.

Я окунул голову в речку возле сада и держал там, пока не потерял сознание, но в толще темной воды голос матери, на-

певающий знакомую мелодию, стал лишь еще четче. В точности как тот голос, который я слышал из-под воды в ванне, когда был маленьким.

В конце концов я принял глупейшее решение. Решил отправиться повидаться с той, из-за которой эта песенка врезалась мне в голову.

Каким же я был дураком! Хотя нет, тогда-то я был горд собой. Думал, что подрос и стал сильнее не только телесно, но и в собственной голове, за шесть-то лет.

Я, мол, уже не такой, как прежде, я теперь не стану просто уворачиваться или прятать лицо, завидев летящий в меня кулак, я теперь могу сам себя защитить, могу заставить ее бояться себя, если захочу – вот что я тогда думал.

Вот как был сделан первый шаг сквозь врата ада.

Вот что вернуло меня туда, где я перенес столько боли и откуда я вроде бы навсегда сбежал.

Когда Сонгён проезжала мимо станции метро «Садан», небо на западе начало темнеть, и вдруг черные тучи заволокли все небо целиком. Внезапно стало темно, как при солнечном затмении, и Сонгён быстро включила фары.

Прогноз погоды обещал проливные дожди по всему региону. Похоже, что скоро и впрямь хлынет ливень.

И впрямь: на капот со стуком посыпались первые капли воды, такие крупные, что больше походили на град, а когда машина поднялась на холм Намтхерён, на нее обрушились мощные потоки воды. Из-за обычных в это время пробок Сонгён и так продвигалась еле-еле, а теперь движение и вовсе почти застопорилось. Поливало так сильно, что едва можно было различить машины прямо у себя перед носом.

Включив дворники, Сонгён глянула на часы. Обычно такая поездка занимала минут двадцать. До условленного времени встречи еще полчаса. Несмотря на неожиданную задержку, она все-таки ухитрилась приехать минута в минуту.

Стук дождя, барабнящего по крыше машины, эхом отдавался у нее в голове.

Опустив стекло, Сонгён невольно поежилась.

Дождевые капли влетели в салон, словно только и ждали удобного момента, и плечо моментально промокло. Почему-то она почувствовала себя освеженной, хотя всю доро-

гу после выезда из дома голова казалась тяжелой.

Вопрос, поднятый несколько дней назад, пробудил еще больше вопросов, и чем ближе она подъезжала к цели своей поездки – городскому следственному изолятору, – тем все сильнее путались мысли.

Директор Хан позвонил ей прямо в тот день, когда она прочитала свою завершающую курс лекцию.

– С тобой хочет пообщаться Ли Бёндю – как ты на это смотришь? – спросил он тогда.

Сонгён настолько поразила, что Ли Бёндю остановил свой выбор именно на ней, что несколько секунд не могла вымолвить ни слова. Даже не сразу поняла, о чем вообще толкует директор Хан, поскольку ничего подобного раньше в ее жизни не случилось.

– Хочет пообщаться? Со мной? Но почему? – вот был ее первый ответ.

Она слышала, что Бёндю напрочь отказывается встречаться вообще с кем бы то ни было. А теперь вдруг ни с того ни с сего согласился выступить в качестве объекта научного исследования – но лишь при том условии, если ему разрешат побеседовать с Сонгён. Лично она не была с ним знакома – даже и в глаза его раньше не видела.

– Откуда он вообще про меня знает? – сразу возник следующий вопрос, поскольку, пусть на первый она и получила ответ, это еще больше сбило ее с толку.

Припомнился какой-то профессор психологической ассо-

циации, который сам просил о встрече с Ли Бёндо в изоляторе и получил твердый отказ. Хотя как это Бёндо мог что-то от него узнать, если так с ним в итоге и не встретился?

– Почему? – повторила Сонгён.

– В каком это смысле «почему»? – удивился директор.

– Почему именно я, когда он меня и знать не знает?

Директор, естественно, не сумел назвать причину. Хотя посоветовал ей, в чем бы эта причина ни заключалась, все-таки согласиться и поскорей определиться с датой, поскольку такая беседа крайне важна, даже жизненно необходима. Сонгён ответила, что согласна на встречу в любое время.

В голове была полная каша, словно по ней стукнули молотком, но стоило согласовать дату и время встречи, как все стало быстро становиться на свои места.

Семестр окончен, и у нее всего лишь два заказа на статьи. Учитывая внешние условия, время самое что ни на есть подходящее. Если в первый момент Сонгён и одолевали какие-то сомнения, то теперь они провалились куда-то в самую глубь головы.

Директор сказал, что проверит ситуацию и сразу перезвонит, после чего отключился.

Сонгён успела заглянуть в деканат, чтобы переброситься парой слов с коллегами, выйти из здания и уже подойти к автостоянке, когда директор Хан позвонил опять.

Намеченная встреча – ровно через три дня.

Все быстро завертелось. Необходимые материалы бы-

ло обещано немедленно доставить ей курьерской службой. Весть разлетелась быстро, и еще до появления курьера посыпались звонки от знакомых. Все были искренне поражены. Больше всего всех интересовало, где это они с Бёндо успели познакомиться. На все эти вопросы приходилось отвечать. «Почему именно я? Понятия не имею, я даже с ним никогда не встречалась».

Впрочем, никто ей не верил. Ну как это такой тип, как Бёндо, мог выбрать для беседы совершенно незнакомого человека? А потом, когда ее собеседники понимали, что она говорит правду, принимались гадать на кофейной гуще. Звучали в том числе и якобы шуточные предположения, что Ли Бёндо, где-то раздобыв список членов ассоциации, просто ткнул пальцем в первую попавшуюся фамилию, а на беседу с психологом пошел чисто от скуки – ведь содержат его в одиночке, поболтать там не с кем... Но такой список никак не мог попасть ему в руки в тюрьме; а потом, Сонгён в него пока еще даже не включили.

После возвращения домой звонки наконец прекратились. Едва она успела разобрать сумку и принять душ, как появился взмыленный курьер. Материалов набралось на три тома энциклопедии. И едва Сонгён стала их разбирать, как лицо, одно время частенько мелькающее в газетах и теленовостях, припомнилось само собой.

Ли Бёндо.

Серийный убийца, который за последние три года похи-

тил и убил тринадцать женщин как в самом Сеуле, так и в провинции Кёнги⁹, арестованный в прошлом году. Его появление опять вывернуло мир наизнанку после Ю Ёнчхоля¹⁰ и Кан Хосуна¹¹, тоже серийных убийц. Однако с этими персонажами у него не было практически ничего общего.

Перед камерами телевизионщиков и объективами фоторепортеров, столпившихся перед входом в отдел полиции, задержанный держался очень уверенно. Оперативники пытались прикрыть ему лицо куртками и полотенцами, но он отбросил все это в сторону. Ничуть не скрываясь, смотрел прямо в объективы, улыбаясь с таким видом, будто и не испытывал никакой вины за содеянное.

Телезрители, смотревшие в тот день прямую трансляцию, были искренне поражены.

Все это произошло буквально через несколько часов после напряженной дискуссии на тему, имеют ли право обычные граждане знать, как выглядит тот, кто пока находится в статусе подозреваемого, или же его право на сохранение

⁹ Кёнги – провинция, на территории которой расположен Сеул. У нас сказали бы «Сеульская область».

¹⁰ Ю Ёнчоль (р. 1970) – южнокорейский серийный убийца, совершивший не менее 20 убийств в Сеуле в 2003–2004 гг. Большинство его жертв были проститутками и богатыми пожилыми людьми. По собственному признанию, ел части тел своих жертв.

¹¹ Кан Хосун (р. 1969) – южнокорейский серийный убийца, совершивший не менее 10 убийств в пров. Кёнги до в 2006–2008 гг., в т. ч. убийство своей жены и тещи.

тайны личной жизни должно оставаться неприкосновенным. Однако Ли Бёндо взял решение этого вопроса в собственные руки, отчего все споры вмиг потеряли актуальность.

Но шокировала телезрителей не только бесшабашность, с которой он демонстрировал собственную персону.

В полном противоречии с ожиданиями тех, кто считал, что физиономия убийцы должна полностью соответствовать его гнусным деяниям, мягкие вьющиеся волосы, гладкая нежная кожа и правильные черты лица Ли Бёндо производили весьма благоприятное впечатление. Трогательно опущенные уголки глаз пробуждали у зрительниц материнские инстинкты. Люди, которые всегда верили, что лицо – это зеркало души, и воображали себе дьявола в человеческом обличье, искренне недоумевали. И это недоумение сразу породило целый ряд гипотез в социальных сетях.

Одни высказывали предположение, что полиция просто взяла не того человека, другие – что полученные в детстве травмы вызвали у Бёндо множественные расстройства личности, из-за которых он совершал преступления, не ведая, что творит... Подобные необдуманные теории, почерпнутые из фильмов, расползлись по всему Интернету. Люди постили невесть откуда взятые личные фото Ли Бёндо, а в одной из соцсетей даже основали фан-клуб под названием «Давид» – из-за его некоторого сходства с известной скульптурой Микеланджело. В группу немедленно вступили тысячи последователей, но клуб быстренько прикрыли, как только это из-

вестие просочилось в прессу.

Через год после ареста Ли Бёндо приговорили к смертной казни, и теперь он ждал исполнения приговора в камере селульского следственного изолятора, известного в народе как просто городская тюрьма.

Просмотрев полученные материалы, на следующий день Сонгён запланировала пообщаться с оперативниками и следователями, которые вели его дело.

Согласно приложенному отчету, расследование проводилось как Столичной полицией Сеула, так и отделом полиции района Канбук, тесно взаимодействовавшими между собой, но именно «районщики» открыли дело и вели его до самого конца – вплоть до задержания подозреваемого и реконструкции совершенных им преступлений.

Отдел полиции района Канбук находился всего в пяти минутах ходьбы от станции метро «Сую».

Сонгён договорилась о встрече заранее, так что большинство работавших над делом Бёндо оперативников и следователей из отдела тяжких преступлений должны были оказаться на месте. Тех тоже немало удивило, что Сонгён собирается пообщаться с их недавним подопечным.

Когда Сонгён стала расспрашивать их о серии происшествий, последовавших за арестом, а также выдвигаемых в Интернете гипотезах, все дружно рассмеялись и заверили ее, что все это полный абсурд.

– Просто проведите с ним хотя бы денек – хотя нет, даже

всего полдня, – посоветовал кто-то из оперативников.

– Это дьявол, косящий под ангела, – заявил другой.

Как шокирующе это ни выглядит, но ангельское личико Бёндю сыграло едва ли не решающую роль в его преступлениях.

Как и в случае с Тедом Банди¹², известным американским убийцей, жертвы сразу покупались на его располагающую внешность, полностью теряя бдительность. В этом смысле члены оперативной группы описали его довольно точно – ангельское личико может быть весьма полезным инструментом для дьявола.

Но привлекало жертв не только личное обаяние Ли Бёндю. Наверняка было что-то еще, что трогало сердца обычных людей. Примерно как у Теда Банди, который бинтовал себе руку или ногу и слезно молил проходящих мимо женщин о помощи, притворяясь инвалидом, Ли Бёндю, скорее всего, тоже устраивал какую-то ловушку, мимо которой сердобольные женщины просто не могли пройти.

Большинство из того, что Сонгён удалось выяснить у полицейских, уже имелось в письменных отчетах – даты совершения преступлений, имена и фамилии жертв, равно как и длинный перечень его прошлых занятий. Но Сонгён требо-

¹² Теодор (Тед) Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е гг. Его жертвами становились молодые девушки и девочки. Точное число его жертв неизвестно. Незадолго до своей казни он признался в 36 убийствах, однако настоящее количество его жертв может быть гораздо больше.

валось не это.

Для начала это было связано с разницей в подходах – полицейские следователи и криминальный психолог смотрели на преступления Бёндю с несколько разных углов. Для полиции было вполне достаточно технических улик и личного признания преступника. Им было совершенно неважно, какого типа жертв он предпочитал, какими способами втирался к ним в доверие, что чувствовал в момент совершения преступления, как совершенствовался по мере повторения своих криминальных деяний...

В общем, каждый смотрел на дело с собственной колокольни.

Сонгён попыталась разузнать побольше о месте преступления – или, вернее, целой серии преступлений, – но не выяснила ничего из ряда вон выходящего про тот холм, на котором стоял дом Ли Бёндю и где были обнаружены тела его жертв. Пробовала задавать вопросы и так, и сяк, но получала практически стереотипные ответы. Она пришла к арестовавшим убийцу полицейским в надежде узнать хоть что-то новое, но через некоторое время утомилась от их бессвязных разговоров и решила, что услышала достаточно.

И тут кто-то вскользь упомянул о некоем происшествии в ходе следственного эксперимента, о котором оперативники до сих пор предпочитали помалкивать.

Случившееся, должно быть, их немало шокировало, и теперь все вдруг заговорили разом. Наконец, Сонгён стала по-

немногу улавливать суть.

Дело было такое громкое, что возле того места, где работала группа по осмотру места преступления, скопились десятки журналистов, простых граждан и разгневанных родственников жертв. Еще немного, и ситуация вышла бы из-под контроля. По словам оперативников, собралось вдвое больше народу, чем на эксгумации останков жертв Ю Ёнчхоля.

Как только туда в полицейской машине привезли Ли Бёндю, журналисты нацелили свои камеры прямо на него, а родственники жертв рванулись к нему, несмотря на все усилия полиции их остановить. Трое или четверо полицейских, окружив Бёндю, пытались пробиться сквозь толпу, но тщетно.

– Все орали на него как сумасшедшие, а он и глазом не моргнул, – поведал один из оперативников.

Неважно, насколько жесток серийный убийца, – перед лицом разъяренной толпы он наверняка должен стусеваться. Но Ли Бёндю был слишком уж спокоен. Полицейские считали, что у него просто стальные нервы.

– Он их всех моментально заткнул, – сказал один из оперативников и ненадолго погрузился в размышления, наверняка вспоминая то, что произошло в тот день. – Посмотрел на людей, которые осыпали его ругательствами, и улыбнулся им. Это их еще больше разозлило. А он этим просто наслаждался. Был абсолютно спокоен. Но потом вдруг показал на кого-то в толпе и чиркнул себя пальцем по горлу. Люди, ко-

которые все это видели, были в полном шоке и не знали, что сказать, просто таращились на него.

Вмешался его коллега, сидящий рядом с ним.

– Ну да, помню. Видел, какая у него была физиономия, когда он это сделал? Блин, у меня по всему телу мурашки пошли! Если б мы не держали его как следует, он наверняка бросился бы на кого-нибудь и наделал бы дел.

Опытный оперативник, проработавший в отделе тяжких преступлений больше пятнадцати лет, покачал головой. Он наверняка уже имел дело с десятками дерзких и наглых преступников, но, похоже, Ли Бёндо сумел произвести неизгладимое впечатление даже на него.

– А почему он вдруг так отреагировал, хотя секунду назад был на редкость спокоен? – поинтересовалась Сонгён.

– Ну, с ходу не скажу... Кто-нибудь помнит?

Все переглянулись и помотали головами.

– Все к нему бросились, орали и крыли почему зря, так что кто его знает, почему он это сделал, в такой-то свистопляске...

Оперативника вполне можно было понять, но Сонгён пожалела, что они упустили важный ключ к тому, что могло бы помочь им докопаться до сути Ли Бёндо. Жаль, что нельзя было сейчас затащить их куда-нибудь выпить, чтобы они как следует припомнили все, что видели и слышали в тот день.

Так что же все-таки заставило Ли Бёндо, сохранявшего поначалу олимпийское спокойствие, вдруг неожиданно со-

рваться?

Должно быть, брошенное кем-то слово спровоцировало его. Кто-то попал ему в больное место. Если б она только могла выяснить, что это было за слово или действие, было бы гораздо проще разговаривать с ним... Но, похоже, теперь уже этого не узнать.

Правда, к счастью, этот припомнившийся кому-то эпизод, похоже, подстегнул память остальных. Пока оперативники продолжали перебрасываться словами, что-то в их разговоре вдруг заставило Сонгён наострить уши.

– Вот что меня реально зацепило на следственном эксперименте... Нет, это был даже не эксперимент. Он как будто опять полностью вернулся в то время. Словно не просто механически повторял то, что делал тогда, а будто впал в транс, будто не видел ничего остального, несмотря на полицию и граждан вокруг. Это было так реально... настолько реально, что инспектор Цой даже попытался схватить его за шею, чтобы он не испортил манекен. Выражение лица у него в тот момент... Гм, даже сейчас передергивает.

Сонгён заметила, как в глазах говорившего промелькнула искорка страха.

Что же это было, если даже оперативник из отдела тяжких преступлений скривился от отвращения? Сонгён очень хотелось знать, что за выражение было на лице Ли Бёндо в тот момент. Она никогда этого не узнает, если только не увидит собственными глазами. Видно, его даже не описать сло-

вами, хоть сотню слов перепробуй в попытках это сделать – останется лишь ощущение, будто блуждаешь в тумане. Сонгён могла только предположить, что это было за выражение, глядя на лицо инспектора.

– Да, мы его все-таки взяли, но я не уверен, что это действительно произошло. Кажется, что хотя его тело физически в тюрьме, его разум все равно продолжает убивать в каком-то его собственном мире.

Оперативник все правильно понял. Темная душа Ли Бёндо полностью сохранила свою жестокую силу, и он постоянно рисовал у себя в голове последние минуты жертв, которых убивал, вновь и вновь смакуя испытанное.

Сонгён попыталась представить ту тьму, что завладела его сердцем. Он не сознает ни своего тела, скованного кандалами, ни насмешек и оскорблений, сыплющихся на него из толпы... Ли Бёндо опять там, где существуют только он и его жертва, – наслаждается моментом, когда забирает человеческую жизнь. Он все еще весь в этом моменте, все с тем же чувством в руках, и смотрит в женские глаза, полные страха, ощущает на себе дыхание, прерывающееся от страха...

Распроставшись с оперативниками и направляясь к выходу, Сонгён чувствовала, что стала ненамного ближе к живому, дышащему Ли Бёндо – не к тому Ли Бёндо, что заперт в папках уголовного дела.

Едва она вышла на улицу, как ее остановил начальник отдела тяжких преступлений.

– Вот пытаюсь решить, сказать вам или нет... Но, если вас не затруднит, хотелось бы попросить о помощи.

– Да, конечно, чем смогу. Какой именно помощи?

– Честно говоря... Есть еще несколько эпизодов, которые до сих пор не раскрыты. В его доме оставались кое-какие улики, указывающие на неопознанных жертв, но мы так и не смогли к кому-либо их привязать.

– Выходит... вы хотите сказать, что были еще жертвы? Но в полицейском отчете говорится...

– Он молчит, как рыба, и мы ничего не можем от него добиться.

Получается, что миру известны лишь те эпизоды, которые подтверждены его собственным признанием.

– Не знаю, станет ли он говорить, но, может, у вас получится набрести на какие-то зацепки, когда будете с ним общаться. Буду очень благодарен, если поделитесь услышанным.

Сонгён поняла, к чему он ведет. «Висяки» никогда не хоронят наглухо. Как знать – вдруг кто-нибудь из тех, кто погиб от рук Ли Бёндю, до сих пор лежит брошенным где-то на том холме? Это вполне может быть один из тех людей, чьи лица сейчас смотрят на них с доски «Пропал человек» у входа в отдел, перед которым они сейчас стоят.

– Хорошо. Я позвоню, если получится что-то выяснить, – пообещала она.

– Спасибо.

Когда Сонгён съезжала с развязки возле станции метро «Индонвон», ливень вдруг прекратился, как отрезало. А может, туча зависла только лишь где-то между районами Садан и Индонвон. Нигде не было и следа сильного дождя, словно Сонгён оказалась в совершенно ином мире. С неба вновь ослепительно сияло солнце.

Ведущая к следственному изолятору дорога была такой сухой, что повсюду висела пыль.

Подъехав к главному входу тюрьмы, обсаженному покачивающимися на ветру деревьями гинкго, Сонгён припомнила недавний разговор с директором Ханом в офисе ассоциации. Тот попросил ее обязательно заскочить к нему перед встречей с Ли Бёндю.

– Ну как, помогли материалы? – поинтересовался он.

– Да, спасибо. Наверное, было непросто собрать всё так с ходу...

– Аналитический комитет провел кое-какую предварительную работу перед беседой с ним, когда его направили в изолятор после суда. Так что все было готово.

Сонгён уже приходилось слышать про аналитический комитет, в состав которого входили психологи, криминологи и специалисты по психоанализу из различных университетов, сформированный научным отделом Национального по-

лицейского управления десять лет назад. Входили в него и ряд членов психологической ассоциации, в том числе и директор Хан. Обычно этот комитет организовывал беседы с осужденными преступниками для глубоких исследований в области особо тяжких преступлений, включая серийные убийства.

– Учитывая то, что происходило во время ареста и позже, по-моему, у него есть много чего рассказать про свои преступления, – заметил директор.

Но, в полную противоположность его ожиданиям, Ли Бёндо тогда так и не дал согласия не только на серьезное исследование, но и даже на простую беседу. А вот теперь почему-то выделил Сонгён и сам вызвался пообщаться с ней.

– Касательно всего этого в аналитическом комитете был целый диспут, – сказал Хан.

– Да ну?

– Мне хотелось бы еще раз у вас спросить: вы точно никаким боком не пересекались с Ли Бёндо?

– Как я уже говорила по телефону, все, что мне о нем известно, – исключительно из прессы. Я никогда не встречалась с ним лично.

Директор Хан секунду смотрел на Сонгён, потом кивнул.

– Я тоже так думал. Это как раз то, чего опасаются в комитете.

В ответ Сонгён бесстрастно посмотрела на него, не совсем понимая, что он имеет в виду.

– Вы с ним незнакомы, но он-то отлично знает, кто вы такая. И тот факт, что он выбрал именно вас, означает, что в голове у него не одна только беседа на психологические темы, – объяснил Хан.

Подозрение и тревога, которые после его звонка она сознательно затолкала поглубже, опять вылезли наружу.

– И что же еще, по-вашему, у него может быть на уме? – поинтересовалась Сонгён.

– Ну... То, чего мы не узнаем, пока вы с ним не встретитесь, так ведь? Я позвонил вам, несмотря ни на что, поскольку это может быть единственным шансом услышать про его преступления непосредственно от него, и... – Директор задумчиво почесал лоб, после чего продолжил: – Если мы выясним, почему он выбрал и даже потребовал именно вас, то, может, лучше его поймем.

Сонгён поняла, что он пытается сказать.

Да, сама она не знает Ли Бёндю, но он откуда-то знает ее.

Было неясно, что в ней привлекло его внимание, но он настолько хотел встретиться с ней, что решил наконец открыться. Уже только одного этого было достаточно, чтобы понять: на Сонгён у него явно есть какие-то планы.

– Мы не знаем, что может произойти при данных обстоятельствах, но я уверен, что вы со всем отлично справитесь. Неважно, какие у него намерения, – просто постарайтесь, чтобы он не добился своего.

Директор Хан посмотрел на Сонгён, как на маленькую де-

вочку, стоящую на берегу реки. Совершенно непонятно, что там, в этой реке. Насколько она глубока, какая опасность таится под ее гладкой поверхностью... Он мог лишь надеяться, что Сонгён в полной безопасности доплывет до намеченной точки и благополучно вернется назад.

Сонгён вдруг испугалась, что не справится с этой задачей. Но она едва ли не лучше всех остальных понимала, что обратного хода нет. Возможность побеседовать с таким типом, как Ли Бёндо, – редкостная удача. Да, определенный риск есть, но если она будет вести себя осмотрительно, то не угодит ни в какую ловушку. «Все у меня получится», – повторяла Сонгён про себя.

Однако, вернувшись после встречи с директором домой, она долго не могла уснуть – мозг продолжал лихорадочно работать, размышлять и прикидывать.

Так и проворочалась до рассвета, когда мужа разбудил телефонный звонок и тот с утра пораньше умчался к себе в клинику. После этого Сонгён тоже выбралась из постели, прошла в кабинет и уселась за письменный стол.

Материалы по делу Ли Бёндо были разложены там же, где она оставила их вчера. Чтение еще не закончено, но не хотелось листать все эти бумаги в такую рань.

Сонгён принялась раскладывать их по папкам, когда вдруг на пол упала какая-то фотография. Подобрав ее, она увидела, что это снимок Ли Бёндо, вырезанный из газеты. На нем его заталкивали в полицейскую машину – очевидно,

после того самого следственного эксперимента.

Он смотрел назад через плечо прямо в объектив, и на лице у него не было написано никаких эмоций. Глаза его словно нацелились куда-то далеко в пространство.

На что это он мог так смотреть?

* * *

Стоило Сонгён мысленно представить себе лицо, увиденное на фотографии, как перед ее собственным взглядом предстали ворота тюрьмы.

Сонгён остановила машину, резко выдохнула и опустила стекло.

Охранник на контрольно-пропускном пункте отдал ей честь и подошел к машине. Протянув свое удостоверение, Сонгён объяснила ему цель визита.

Пока она дожидалась, когда охранник вернет ей документы, салон машины успел наполниться зноем.

Странная вещь, правда? Я-то думал, что уже все окончательно забыл, но, оказывается, отлично знал, как попасть домой. По соседству открылось несколько новых магазинов, а некоторые из заборов бесследно исчезли, и вообще в переулке за шесть лет много чего изменилось, но все-таки не настолько, чтобы не найти путь к родному дому.

Дом, из которого я убежал, стоял на том же самом месте.

Едва я его увидел, как осознал, что шесть лет – это ничто. Маленький мальчишка, который сбежал отсюда, ничуть не вырос. «Беги!» – выкрикнул голос у меня в голове, но я словно застыл на месте, не сводя глаз с дома. Прошлое словно обхватило меня за лодыжки, не давая даже пошевелиться.

Впервые за все время я пожалел о своем побеге.

Если б я остался в этом самом доме, ощущая, как мало-помалу растет сила в моих руках и ногах, и противостоял бы своей матери этой силой, разве не сумел бы я заставить умолкнуть и эту чертову песенку? Но это была слишком поспешная мысль.

Знаете что? Люди так легко не меняются. Трудно сломать давно установившиеся взаимоотношения. И неважно, насколько чудовищны жизненные обстоятельства – люди приспособляются и привыкают ко всему.

Если вы вынуждены жить в Сибири, где мороз в сорок

градусов ниже нуля, то вы просто пьете водку и терпите холод. Если вас постоянно бьют до крови, с самого рождения, и все ваше тело в струпьях от ран, вы продолжаете жить, как жили. Бывают дни, когда ничего такого не случается, и вы облегченно выдыхаете, а в другие дни вас избивают до полусмерти, и вы просто отключаетесь. Если при этом ломают руку или ногу – то лежите в лежку и стонете несколько дней, а если повезет, то потом снова встаете и ходите, как ходили.

Меньше одного дня понадобилось, чтобы напрочь стереть шесть лет моей жизни в яблоневом саду. А были ли вообще эти годы? Теперь все это казалось не более чем сном. Иногда я думаю, что это и впрямь был всего лишь сон.

Моя мама? Да, сначала она удивилась, увидев меня. Но потом одна из ее бровей взлетела вверх, и она стала все тем же скрипучим голосом осыпать меня ругательствами. За эти шесть лет она нисколечко не изменилась. Буквально через час после возвращения домой опять пришлось иметь дело с ее тяжелой рукой, шлепающей меня по щеке, с палкой и пинками.

Мне была невыносима мысль о том, что все то же самое произойдет и на следующий день, и еще через день... Я искренне не понимал, почему она продолжает мучить меня, почему просто не убьет? Да, все это противостояние не закончится до тех пор, пока кто-нибудь из нас не отдаст концы. У вас тоже бывают такие сны, когда пытаешься убежать от кого-то, но никак не можешь оторваться от того, что пресле-

дует тебя по пятам? Бежишь из последних сил, но потом хочется просто рухнуть на землю и дать себя догнать, поскольку наконец-то все кончится, и уже неважно, останешься ли ты в живых.

Если б не та кошка, которая вдруг забрела к нам во двор, этого никогда не произошло бы. Хотя нет, это просто оправдание. Я, должно быть, давно ждал подходящего момента. Я все равно сделал бы то же самое, воспользовавшись любым удобным предлогом.

В тот день с неба сыпал противный мелкий дождичек.

Кошка укрылась от дождя возле самой стены, под свесом карниза. Мало того что у нее была течка и она орала как резаная, так теперь уже и пролезла чуть ли не в дом, и я принялся швырять в нее всем, что подвернулось под руку. Но каждый раз кошка ловко уворачивалась, словно издеваясь надо мной, и громко вякала.

Я разозлился. Казалось, будто эта чертова кошка надменно смотрит на меня сверху вниз, так что я огляделся по сторонам, выискивая, чем бы еще в нее бросить, и на глаза мне попалась лопата. «Ага, сейчас ты у меня получишь!» – подумал я. Быстро метнулся к лопате, подхватил ее и швырнул. На сей раз попал. Кошка с переломанным хвостом принялась с визгом носиться кругами по двору.

И в этот самый момент из глаз у меня посыпались искры.

Моя мать держала в руке кирпич. Не в силах даже пошевелиться, я лишь перевел взгляд с ее лица на этот самый кир-

пич. И только тут почувствовал страшную боль в затылке. Провел пальцами по волосам, ощутив под ними что-то теплое, мокрое и липкое. Посмотрел на свою руку, перемазанную кровью.

А мама тем временем подзывала кошку, с громким мяуканьем носившуюся по двору. До меня матери будто бы и не было никакого дела. В руке у нее была открытая консервная банка с тунцом.

Голос ее звучал ласково, такого тона я от нее никогда не слышал. Надо мной она никогда так не хлопотала, собираясь накормить. Я значил для нее гораздо меньше, чем какая-то приبلудная кошка.

Я плохо понимал, что происходит; в глазах все плыло, с затылка на спину струилась кровь. Я даже не слышал шума дождя. Был в каком-то полуобмороке. Вдруг показалось, будто меня кто-то ведет...

И, как ни странно, с моих губ внезапно слетел тот самый мотивчик. Лопата, которую я бросил в кошку, почему-то опять оказалась у меня в руке. Когда я замычал эту песенку, мать вздрогнула. А потом увидела лопату.

Моя мать, которая всегда была столь уверена в себе, впервые словно съежилась, зачастила дрожащим голосом:
– Т-ты чё творишь? Положи на место немедленно!

Я на самом-то деле и не собирался ничего делать, но когда услышал ее приказы, до меня дошло, что я гораздо выше ее ростом. И что теперь я гораздо сильнее. И что я больше не

хочу... не хочу никуда убегать. Устал я уже бегать. Казалось, будто я всю свою жизнь пятился и наконец уперся спиной в глухую стену тупикового переулка.

Я крепче стиснул рукоятку лопаты. Никогда не забуду, какое лицо было у моей матери, когда она перевела взгляд с моих глаз на лопату.

– Мам, помнишь эту песенку? «Бам-бам, молоточек Максвелла...»

* * *

– Да, я научился этой песенке от тебя, мама! Ты мне всегда ее напевала. Помнишь? Ведь помнишь? На сей раз это я напеваю ее тебе! Ты меня вырастила, и я должен тебе как-то за это отплатить, верно? Не волнуйся. Эта песенка звучала у меня в голове целых шесть лет, так что я нигде не ошибусь.

Не знаю, как долго еще я мычал этот мотивчик.

А когда пришел в себя, то уже молчал.

Я стоял посреди двора, глядя, как дождь барабанит ей по лицу. Глаза, которые всегда обжигали меня таким холодом и злобой, были широко раскрыты, несмотря на бьющие в них дождевые капли. Рот, из которого на меня всегда сыпались брань и оскорбления, молчал. И только тут я понял, зачем вообще вернулся в этот дом.

Да, я ждал. Ждал того дня, когда сам смогу спеть эту песенку. Мне очень хотелось, чтобы мама ее услышала. Еще

разок промычав припев, я подумал: теперь ведь эта чертова песенка больше не будет безостановочно проигрываться у меня в голове, а?

Когда Сонгён проехала в ворота, поставила машину на стоянку и вошла в приемную для посетителей, к ней сразу подошел дежурный охранник. После ответа на несколько его вопросов и очередной быстрой проверки документов получила пропуск, на котором крупными буквами было напечатано «Посетитель».

Повесив его на шею, Сонгён вслед за охранником двинулась к зданию, в котором располагались тюремные камеры.

Посетители обычно встречались с заключенными в том же административном корпусе, в котором располагалась приемная. Однако для встречи с Ли Бёндю по приказу начальника тюрьмы выделили отдельное помещение в каком-то другом здании.

За основным тюремным блоком открылась пустая площадка, предназначенная для занятий спортом и прогулок, но отведенные для этих целей часы давно закончились, и никого из заключенных здесь уже не было. Вдоль одной стороны площадки протянулась высоченная стена, почти полностью загораживая небо. Тюрьмы предназначены для того, чтобы держать людей взаперти, но эта больше напоминала неприступную крепость, рассчитанную на то, чтобы никто не пробрался в нее с воли.

Сонгён уже приходилось несколько раз бывать здесь, и ме-

сяц назад она даже приводила сюда студентов на ознакомительную экскурсию, но так далеко вглубь еще не забиралась. Поглядев на высоченную стену, она спросила у охранника:

– А что там за ней?

– Блок для осужденных на смертную казнь, – последовал ответ.

Здание стояло практически в самом центре тюремной территории. Сонгён еще раз медленно обвела взглядом сплошную неприступную стену.

Тюрьма была построена в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. С тех пор прошло уже больше двадцати лет, так что, естественно, здание было довольно обшарпанным. Но вид его вызывал и еще какое-то странное чувство, которое не объяснишь одним лишь годом постройки. У Сонгён возникло ощущение, будто перед ней какая-то выцветшая от времени фотография – уже и не разберешь, цветная или черно-белая.

Мир за прочными высокими стенами совершенно отличался от мира снаружи – мир, в котором даже сами время и воздух были надежно заперты на замок.

Поверх старой серой стены тянулась ограда из колючей проволоки как минимум двухметровой вышины, с торчащими над ней караульными вышками. Совершенно замороженная ее видом, Сонгён не могла вымолвить ни слова.

В тяжко нависающей над головой стене маячила железная дверь, в которую едва можно было протиснуться вдвоем. По-

сле того, как сопровождающий подтвердил ее полномочия, второй охранник провел ее внутрь, и Сонгён показалось, что она только что миновала врата ада, откуда нет возврата.

Железная дверь проходной с громким скрипом закрылась у нее за спиной.

По затылку пробежал неприятный холодок. Звук был такой же мерзкий, как скрип ногтей по классной доске. Сонгён почувствовала, как нарастает напряжение, словно туго натянутые нервы были готовы в любой момент лопнуть.

Какое-то не поддающееся описанию чувство полностью завладело ею, сковало по рукам и ногам. Казалось, будто здоровенный камень навалился на грудь. Она попробовала глубоко вдохнуть, но чувство тяжести никак не отпускало.

Вдруг захотелось немедленно развернуться и без оглядки броситься к выходу.

«Успокойся, нет никаких причин нервничать», – приказала она себе, хотя и без особого толку. Припомнилось прозвище, которое дали ей студенты.

Кларисса Старлинг. Салага, делающая еще только первые робкие шаги в ФБР.

Сонгён представила себе Джоди Фостер в фильме «Молчание ягнят». Только сейчас ей пришло в голову, что в этот момент она и впрямь похожа на Клариссу Старлинг, шаг за шагом пробирающуюся по темнице в сопровождении строгой охраны, вздрагивая и напрягаясь при малейшем звуке. Бёндо, конечно, не Ганнибал Лектер, но она сознавала, что

он уже психологически довлеет над ней.

Журнал, фиксирующий ход следствия, прочие материалы по делу, истории, рассказанные оперативниками, и три дня зазубривания всего этого, похоже, основательно перегрузили ей мозг. Не было времени как следует подумать и спокойно подготовиться. Сонгён решила, что лучше забыть все, что попыталась запомнить перед встречей.

Ли Бёндо из материалов уголовного дела и рассказов полицейских, общавшихся с ним, – это лишь один из кусочков пазла. Надо найти и другие кусочки, другую его сторону. Эта мысль помогла ей немного расслабиться. Неопределенный, едва ли не детский страх немного отпустил. Чтобы скрыть остатки волнения, она напрягла живот и наконец ощутила достаточное спокойствие, чтобы оглядеться.

Следуя за шагающим впереди охранником, Сонгён посмотрела по сторонам. Ничего особенного: просто грубое строение без каких-либо заметных черт. На миг замедлив шаг, она бросила взгляд на небо.

Был еще только июнь, но жаркое солнце всюду правило миром. Туч, недавно оросивших дождем Индонвон, не было и в помине. Сонгён еще раз глубоко вдохнула. Даже от самой земли поднимался жар. Лицо покрылось потом под безжалостным солнцем, но, как ни странно, по спине продолжал пробегать озноб. Повертев головой, она посмотрела по сторонам, но больше никого не увидела.

– Так вы идете? – поторопил охранник.

Он уже стоял перед входом в здание и смотрел на нее. Осознав, что заставляет его ждать, Сонгён прибавила шаг. Она жалела, что нельзя выждать, пока холодок в спине не рассеется, но вскоре взяла себя в руки. Ощутила лишь, как вспотели ладони.

Блок одиночных камер, расположенный в самом центре тюремного комплекса, предназначался только для преступников, приговоренных к смертной казни. Сонгён подошла к его двери, холодной даже в середине лета.

– Что, жутковато? – деликатно спросил охранник в попытке помочь ей расслабиться.

– Я и не знала, что мы зайдем так далеко.

– А обычно никто из посетителей досюда и не доходит. Допросы и консультации с адвокатами для обычных заключенных проводятся в административном корпусе, через который вы входили.

Его слова на самом деле ничего ей не объяснили. Он должен был знать, зачем пришлось завести Сонгён так далеко, но, похоже, не имел намерения объяснять ей причину. Охранник открыл вход пластиковой карточкой. Произнес:

– С прошлого года здесь сидели более тридцати заключенных, приговоренных к «вышке».

Под «вышкой» понималась высшая мера наказания – максимум, который только может назначить суд.

– Сейчас осталось человек десять – остальных раскидали по тюрьмам и колониям в различных регионах страны.

Она уже слышала про это в новостях. В случае со «смертниками» исполнение приговора – это собственно казнь¹³, а не тюремный срок. В результате одно время таких заключенных рассматривали как подсудимых. И лишь в прошлом году закон потребовал применять к ним такой же режим, как к приговоренным к тюремным срокам. В результате значительную часть «смертников» перевели в тюрьмы и колонии различных провинций, и значительная часть одиночных камер в здании сразу опустела.

Когда они вошли в дежурку охраны, примыкающую ко входу в здание, Сонгён сразу увидела на стене блок мониторов видеонаблюдения. Больше десятка экранов светились, показывая внутренность различных тюремных камер.

В каждой была установлена видеокамера наблюдения, так что было сразу видно, чем занимаются запертые в них «смертники».

Одни спали, завернувшись в одеяла, другие неустанно расхаживали взад-вперед, словно страдая расстройством поведения. Все, похоже, знали, что на них смотрят, поскольку то и дело злобно поглядывали в объектив, а то и подходили вплотную к камере и осыпали ее ругательствами, вытягивая к ней средний палец.

Сонгён машинально поискала взглядом Ли Бёндю.

– После того недавнего инцидента все камеры в блоке

¹³ Исключительно для исторической точности: с 1997 г. в Южной Корее действует мораторий на приведение смертных приговоров в исполнение.

смертников поставлены под круглосуточное видеонаблюдение.

Заслышав незнакомый голос, Сонгён обернулась и увидела стоящего у себя за спиной крепкого мужчину лет сорока пяти. Тот представился как начальник охраны городского следственного изолятора. Сонгён сразу поняла, что имеется в виду под «недавним инцидентом» – самоубийство Сона Кичхоля, одного из «смертников».

Сонгён, которая как-то написала статью для полицейского журнала на тему душевного состояния заключенных, была довольно неплохо информирована об этом происшествии.

– Да, шуму было много, – ответила она начальнику, продолжая разглядывать лица на мониторах.

Естественно, станешь дерганым, когда за тобой наблюдают круглые сутки! И хотя все это лишь ради того, чтобы попробовать предотвратить еще одну попытку наложить на себя руки, решение все-таки не из лучших. Кто-нибудь всегда может заявить, что это нарушение прав человека, а осужденные к высшей мере наказания, и без того люди психически неуравновешенные и не знающие, когда их приговор будет приведен в исполнение, подвергаются еще большим моральным страданиям.

Начальник охраны равнодушно глянул на мониторы, словно показывая, что подобные опасения ему давно известны.

– Когда они знают, что за ними присматривают и днем, и

ночью, они, по крайней мере, не станут пытаться, – произнес он.

Сонгён собралась было что-то сказать, но вовремя прикусила язык. Не стоило сейчас лезть в подобные материи. А потом, она здесь не для этого. Самое главное – встреча с Ли Бёндо.

– Весь этот шум был только из-за того, что это был Сон Кичхоль – газеты не стали бы поднимать бучу, будь это кто-то другой, – пробурчал начальник, покачивая головой. Ему, видно, и впрямь изрядно досталось от средств массовой информации. – Да и вообще: волновало бы хоть кого-нибудь, что происходит за этими стенами, если б не произошло что-нибудь в этом духе?

Сон Кичхоль совершил самоубийство, воспользовавшись пластиковым мешком для мусора, которые выдают всем заключенным.

Те, кто твердо решил покончить с собой, все равно найдут способ, как это сделать, сколь бы внимательно за ними ни наблюдали. Разорвут на ленты одежду или одеяло, чтобы сделать веревку, или во время положенной им тридцатиминутной прогулки ухитрятся найти и пронести в камеру острый обломок камня...

При нынешнем численном составе персонала тюрьмы не так-то просто круглосуточно наблюдать за всеми заключенными. Пока ничего не случается, у пенитенциарной системы нет проблем, но стоит чему-то произойти, как вся ее де-

тельность становится объектом пристального изучения.

Похоже, что начальник охраны, основательно пострадавший от внимания руководства и общественности, решил, что лучше уж обвинения в нарушении прав человека, чем выговор за ненадлежащий надзор за заключенными.

Произнося свои слова, начальник не сводил глаз с одного из экранов. Проследив направление его взгляда, Сонгён увидела Ли Бёндю – тот стоял в своей камере, прислонившись к стене. Получше приглядевшись, она заметила, что он слегка покачивает головой.

– Вы и вправду хотите с ним встретиться? – спросил начальник охраны.

– Что? – удивленно отозвалась Сонгён.

Начальник отвел взгляд от монитора и посмотрел на нее с озабоченным выражением на лице.

– Честно говоря, не по вкусу мне эта затея, – произнес он.

– Если дело в безопасности...

– Нет, не в этом. Все, что здесь происходит, полностью у нас под контролем.

– Тогда что...

– Что-то мне во всем этом не нравится... Меня сразу удивило, что он выбрал именно вас, так что я спросил у него, откуда он вас знает.

– И что он ответил?

Сонгён и саму крайне интересовал этот вопрос.

– Ничего он не ответил – просто посмотрел на меня с та-

кой улыбочкой, что меня мороз по коже продрал. У него явно есть какой-то скрытый мотив, – сказал начальник, полностью растерявший всю свою равнодушную ленцу и теперь настроенный абсолютно серьезно. – Может, все-таки отмените встречу? Если вы откажетесь от беседы с ним, ничем это вам не грозит, – добавил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.